

Отказ внутренних органов

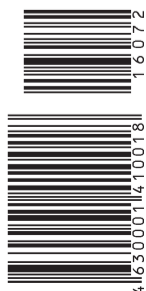
Неизвестные подробности и подоплека последних
громких арестов среди силовиков

СТРАНИЦЫ 4-5

*«В это трудно поверить,
но Шакро приехал в Следственный
комитет, чтобы сообщить Итальянцу,
что тот скоро выйдет на волю»*

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Никто не знает, за что

Сегодня в Киеве прощаются
с Павлом Шереметом.
Похороны — завтра в Минске

СТРАНИЦЫ 2-3

Павел первый

«Первый» или «единственный» — лучшие эпитеты для Шеремета

Павел Шеремет был первым журналистом независимой Беларуси, арестованным за репортерскую работу. Единственным человеком, из-за которого Александра Лукашенко однажды не пустили в Россию. Единственным белорусом, которого на родине лишили гражданства с формулировкой «в связи с получением российского гражданства». И последним журналистом, которого можно было представить себе старым и на даче.

В 1997 году белорусский корреспондент российского Первого канала (тогда еще ОРТ) Павел Шеремет выдал в эфир блестящий сюжет-расследование о дырах в белорусско-литовской границе. В кадре он для убедительности сделал шаг через границу на литовскую сторону. Но вместо того чтобы заделать дырки в границе и сказать журналисту спасибо за бдительность, его арестовали вместе с оператором Дмитрием Завадским и обвинили в незаконном пересечении государственной границы. После нескольких месяцев в СИЗО обоих освободили под подписку о невыезде, а затем осудили условно. Но именно с этого ареста, с уголовного дела против Шеремета и Завадского в Беларуси начались настоящие репрессии против журналистов. До дела Шеремета — так, пугали. После дела Шеремета — начали арестовывать, избивать, убивать.

Кстати, своего друга и бессменного оператора Дмитрия Завадского Павел пережил ровно на 16 лет. Дмитрий бесследно исчез 7 июля 2000 года по дороге в аэропорт, когда ехал встречать Павла Шеремета. От самого талантливого белорусского телетандема не осталось ничего. Вернее, никого.

После судебного приговора Павел Шеремет уехал в Москву. Он хотел работать, а не отбывать наказание, которое вполне могло стать пожизненным. Когда Шеремет сидел в тюрьме, Александр Лукашенко собирался слетать в Нижний Новгород. И не улетел. Просидел на минском аэродроме со своей свитой четыре часа — никак не мог понять, почему ему не предоставляют воздушный коридор. Коридор так и не предоставили. А президент России Борис Ельцин в теленовостях сказал: «Пусть он сначала Шеремета освободит». Думаете, Лукашенко такое прощает? Не прощает. Причем вовсе не президенту России — тут уж бодливой корове бог рог не дает, — а виновнику его всенародного унижения.

В Москве Павел Шеремет быстро получил российское гражданство. От белорусского не отказывался и часто приезжал в Минск к родным и друзьям. А спустя тринадцать лет, в 2010 году, получил письмо из белорусского посольства в Москве о лишении белорусского гражданства «в связи с полу-

чением российского». О том, что вообще-то второй десяток лет пошел, в письме скромно не упоминалось. Это был просто очередной «привет» от белорусского руководства. Напоминание по случаю: ты не думай, что можешь жить спокойно, мы все равно найдем способ тебе напаколотить.

Знаете, а еще он очень хотел получить «ТЭФИ». И был выдвинут в номинации «Лучший репортер» в 1999 году. Потом рассказывал нам в Минске: «И вот они говорят: лучшим репортером года стал Павел... И я на секунду успел подумать, что «ТЭФИ» моя. Но они продолжили: ...Лобков. Но я еще все получу!»

Конечно, теперь он станет посмертным лауреатом всех журналистских премий. Вскоре, не сомневаюсь, появится и премия Павла Шеремета. Только уже без самого Павла. Ее будут получать талантливые и отважные мальчики и девочки. И эта премия будет куда круче превратившейся в траченный молью мешок «ТЭФИ».

Павлу вообще везло. В профессии и в жизни он был везунчиком: у него получалось все, за что бы ни взялся. У него был лучший оператор, лучшие сюжеты, лучшие темы, лучшие друзья и близкие. И, как бы цинично ни звучало, его близким повезло в том, что Павла убили не в Минске, а в Киеве. Потому что если бы его убили в Минске, убийца бы никто не искал, потому что нельзя искать того, кто отдал приказ. А в Киеве есть надежда, что убийца найдут и накажут.

Потом, когда ОРТ остался лишь обмылок и работать там стало невозможно, Павел Шеремет уехал на Украину. Не сразу — сначала он пытался работать в «Огоньке» и на создаваемом канале-тезке ОТР. Но это была совсем не та работа, к которой он привык. В Киеве Павел в третий раз начал с нуля и в третьей по счету стране с легкостью стал уважаемым и узнаваемым. Никто не сомневался, что завтра он может оказаться в Грузии, послезавтра — в Никарагуа или где-нибудь еще, где интересно и опасно работать. Но четвертого раза не будет. Другим странам не повезло — у них никогда не будет такого журналиста. А у нас он был.

Ирина ХАЛИП,
соб. корр. «Новой», Минск

«Новая газета» выражает соболезнования близким, коллегам и всем, кто знал Павла.

AFP / EAST NEWS

« У них никогда не будет такого журналиста. А у нас он был »

20 июня программа «Утро Павла Шеремета» на украинском «Радио Вести» началась как обычно, в 8 утра. Но в эфир вышла только ведущая Татьяна Иванская — она предупредила слушателей, что Шеремет опаздывает. Через двадцать минут программу прервал выпуск новостей. Стало известно, что Павел погиб, — машина, в которой он ехал на работу, взорвалась за 15 минут до начала программы.

Обстоятельства

Машина взорвалась на углу улиц Богдана Хмельницкого и Ивана Франко — в самом центре Киева, совсем недалеко от дома, где жил Шеремет. В момент взрыва журналист находился на водительском месте, пассажиров в машине не было. Прохожие пытались оказать первую помощь, через несколько минут прибыла скорая. Павел скончался по дороге в больницу.

Взрывное устройство — предположительно с дистанционным управлением — было установлено под днищем автомобиля.

Машина, на которой Павел Шеремет ехал на работу, принадлежала его гражданской жене и владелице медиаресурса «Украинская правда» Алене Притуле. Коллеги говорят, что журналист каждое утро выезжал на работу в одно и то же время, а его сосед — что каждый вечер

Никто не понимает, за что

Шеремет парковал машину в одном и том же месте. «Радио Вести» сообщает, что правоохранительным органам удалось найти фрагмент видео с камер наблюдения, на котором неизвестный мужчина подходит к автомобилю на расстояние, «с которого возможно было прикрепить под днище бомбу».

Версии

Спустя несколько часов после трагедии советник главы МВД Украины Зорян Шкиряк рассказал о трех версиях, которые рассматривает следствие. Среди возможных причин убийства он назвал профессиональную деятельность Шеремета, неприязненные отношения «с определенными лицами» и «российский след», о котором ранее нардеп Антон Герашенко упомянул на своей странице в Фейсбуке.

Представитель прокуратуры Киева Надежда Максимец сообщила, что правоохранительные органы рассматривают еще одну версию — о том, что бомба предназначалась не для Павла, а для Алены Притулы.

Генпрокурор Украины Юрий Луценко на совещании у президента Петра Порошенко заявил, что убийство журналиста — «часть большого плана». Сам президент Порошенко предположил, что единственная причина взрыва — чья-то

попытка дестабилизировать обстановку в стране, «возможно, накануне других событий», а глава СБУ Василий Грицак пообещал, что ведомство обязательно рассматривает эту версию.

Вечером 20 июля советник главы Юрий Тандит сообщил о том, что следствие рассматривает уже шесть версий произошедшего, правда, указать еще две — помимо названных его коллегами — не смог.

Подтверждения

Ни одного подтверждения какой-либо из версий на момент подписания номера так и не появилось. Единственное, о чем можно уверенно говорить, — убийство носит демонстративный характер и совершено таким образом, чтобы напугать максимальное количество людей.

Журналисты «Украинской правды» рассказывают, что Шеремет и Притула замечали слежку, но ни разу не упоминали об угрозах. Павел Шеремет вел утренние эфиры на радио «Вести», во время которых обсуждал с гостями все важные для Украины общественно-политические события. Еще он вел блог на сайте «Украинской правды». Последние записи: о бойцах полка «Азов», которые, вернувшись с фронта, уходят в криминал, и о попытках команди-

ров навести порядок; о коррупции и эффективности работы правоохранительных органов; о белорусской транспортной инспекции; о Саакашвили — то есть обо всем, что может интересовать среднестатистического читателя общественно-политического издания.

«Украинская правда» — одно из крупнейших и самых цитируемых украинских изданий. Наиболее заметные расследования, которые газета публиковала в последние несколько месяцев: о черной бухгалтерии Партии регионов и об офшорах украинских политиков, которые удалось обнаружить в «панамском архиве».

Конфликта собственников в «Украинской правде» тоже не было. По словам журналистов издания, оно полностью принадлежит бывшему главреду Алене Притуле. Основателем проекта, к слову, являлся Георгий Гонгадзе, убитый в 2000 году.

Коллеги Шеремета и Притулы сомневаются в том, что бомба в машине предназначалась именно для владелицы «Украинской правды»: они говорят, что по утрам на той машине ездил именно Шеремет, и убийцы наверняка это знали.

Зинаида БУРСКАЯ,
«Новая»

Павел ШЕРЕМЕТ
1971 — 2016

Сакральная жертва

Кому нужно убийство Павла Шеремета

На убийстве, а точнее, на показательной расправе над белорусско-российско-украинским журналистом Павлом Шереметом, которого 20 июля взорвали в автомобиле в центре Киева, бонусы заработали многие.

Во-первых, официальный Киев, который начал в числе возможных версий раскручивать тему «российского следа». Обвиняя Кремль в продолжении дестабилизации ситуации в Украине. В том числе и в международном информационном пространстве, поскольку на убийство Павла Шеремета отреагировали не только мировые СМИ, но и официальные структуры ЕС и США.

Во-вторых, Кремль, который получил лишнюю возможность обвинить «киевскую хунту» как в отсутствии возможностей контроля за обеспечением безопасности граждан, так и в удушении свободы слова и провокации против Кремля. И заголовки типа «В Киеве убивают журналистов!» могут оживить теряющую остроту антиукраинскую риторику в российской пропаганде.

В-третьих, украинская оппозиция, которая теперь начнет обвинять Порошенко и Ко в развязывании террора, наступлении на базовые гражданские свободы, включая попытки уничтожить оппозиционные СМИ из-за страха потерять власть.

В-четвертых, пропрезидентские силы, которые могут симметрично обвинить в причастности к убийству оппозицию. Поскольку оппозиции выгодно обвинить власть в развязывании террора.

Дополнительно все стороны получили еще и лишнюю пиар-возможность

напомнить о себе. Поскольку не секрет, что комментарии спикеров на фоне резонансных убийств или терактов продаются гораздо лучше, чем набившие оскомину разглагольствования о «пути к светлому будущему».

То есть, с одной стороны, жесткий и циничный расчет при выборе «сакральной жертвы» как бы себя оправдал. В пользу же того, что из Шеремета сделали именно «сакральную жертву», говорит многое.

И то, что Павел был журналистом, известным далеко за пределами Украины. Что автоматически обеспечивало международный резонанс. И то, что Павел работал в интернет-издании «Украинская правда», которое основал Георгий Гонгадзе, убитый офицерами милиции во главе с генералом МВД Пучаком в 2000 году (среди заказчиков убийства называют как тогдашнего президента Украины Леонида Кучму, так и главу его администрации Владимира Литвина). И именно убийство Гонгадзе резко изменило ход украинской истории, сыграв знаковую роль в «оранжевой революции» 2004 года.

К тому же Павел был еще и гражданским мужем владелицы «Украинской правды» Алены Притулы. Что породило дополнительную версию о том, что настоящей мишенью убийц была именно Притула, а не Шеремет. Плюс выбор места убийства — центр Киева, недалеко от центрального офиса столичной полиции и дома, где живет мэр Киева Виталий Кличко.

Помимо этого, «сакральность» подтверждается и крайне зыбкой версией «расправы с неугодным власти журналистом». Поскольку Павел да, был известен и популярен, но причислять его к откры-

тым противникам действующей власти как минимум глупо.

Ибо неполные тридцать тысяч подписчиков в Фейсбуке и несколько сот стабильных лайков под его далеко не самыми резонансными блогами в «Украинской правде» не идут ни в какое сравнение с миллионными аудиториями, которые имеют наиболее громкие телепрограммы-расследования. Где скрупулезно выворачиваются наизнанку коррупционные схемы наиболее одиозных украинских политиков и бизнесменов. Так что если говорить о тех, кто торчит власти попеременно горла, то в первую очередь логичнее было бы разобраться с журналистами, чьи материалы стали основанием для возбуждения реальных уголовных дел.

Не говоря о том, что помимо телевидения в тех же соцсетях имеются сотни куда более агрессивных и непримиримых критиков президента, парламента и правительства. Многие из которых имеют в разы больше подписчиков, чем Павел Шеремет.

Но убийство любого из них не вызвало бы такого мощного резонанса. В том числе и потому, что ни один из этих журналистов или блогеров не известен за пределами Украины так, как был известен Шеремет.

Иное дело, что расправа над Павлом могла быть таким себе тротиловым месседжем. Намеком на то, что пора заткнуться, переквалифицироваться на освещение балетных премьер и перепост котиков, иначе...

Однако похоже, что расчет на то, что тщательно подготовленное и продуманное убийство Павла Шеремета станет

Расправа над Павлом могла быть тротиловым месседжем. Намеком на то, что пора заткнуться

либо началом закручивания гаек, либо мощным дестабилизирующим фактором в стране, как об этом поспешили заявить некоторые силовики, себя не оправдал.

Поскольку организаторы убийства (кем бы и откуда они ни были) не учли нескольких важных моментов.

Во-первых, Украина прошла Евромайдан, завершившийся расстрелом Небесной сотни.

Во-вторых, Украина третий год пребывает де-факто в состоянии необъявленной войны с Россией. И на линии фронта с прокремлевскими группировками «ДНР-ЛНР», несмотря на задекларированное перемирие, от непрекращающихся обстрелов боевиков практически ежедневно гибнут украинские военные. (Только за день до убийства Шеремета украинские ВСУ потеряли семь человек.) А общие потери украинской стороны как среди военных, так и среди гражданского населения перевалили отметку в десять тысяч человек. И в масштабах страны даже такая расправа над журналистом планку болевого порога вряд ли поднимет. Как вряд ли вызовет какие-то массовые акции протеста.

Понятно, что более конкретные выводы можно будет делать в том случае, если следствию удастся выйти на след хотя бы исполнителей. Осторожный оптимизм в отношении того, что это преступление не уйдет в разряд нераскрытых, внушает то, что к расследованию подключились специалисты из ФБР.

Пока же следствие говорит о четырех основных версиях убийства: «профессиональная деятельность», которую в МВД Украины назвали главной.

Стандартная для таких случаев версия, которую отработывают всегда, — «неприятельные отношения».

Помимо этого, отработывается и «российский след». Поскольку, по словам советника главы МВД Зоряна Шкиряка, «исключать версию участия в этом преступлении российских спецслужб мы не можем».

И версия номер четыре от прокуратуры — «покушение на жизнь руководителя онлайн-издания «Украинская правда» Алены Притулы». Эта версия возникла в том числе и потому, что в момент взрыва Павел Шеремет был за рулем авто, принадлежащего Алене Притуле.

Представитель СБУ заявил вечером в среду, что на самом деле специалисты рассматривают шесть версий. Но сославшись на тайну следствия, еще две версии озвучить отказался.

Правда, ни одна из озвученных версий не ищет ответа на вопрос — для чего (сакрально или целево) в мире продолжают убивать журналистов, чья «вина» заключается лишь в том, что они доносят до людей правду.

Андрей КАПУСТИН,
специально для «Новой», Киев

Неизвестные подробности и подоплека последних громких арестов среди силовиков

Отказ внутренних органов

Денис Никандров

Михаил Максименко

Александр Ламонов

В начале этой недели Лефортовский районный суд Москвы арестовал по обвинению в получении взятки в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК) трех высокопоставленных сотрудников Следственного комитета России: главу Управления межведомственного взаимодействия и собственной безопасности (УМВиСБ) СКР Михаила Максименко, его заместителя, начальника УСР СКР Александра Ламонова, а также заместителя начальника ГСУ СКР по Москве Дениса Никандрова. Все трое подозреваются СУ ФСБ в получении взятки в размере 1 млн долларов от вора в законе Захария Калашова, больше известного как Шакро Молодой, за развал уголовного дела против его соратника Андрея Кочуйкова. Эта операция стала первым резонансным делом со времени ареста прошлым летом верхушки ГУЭБиПК МВД по главе с замминистра Денисом Сугробовым — тогда задержания производили те же сотрудники ФСБ.

Однако нынешний скандал может оказаться гораздо масштабнее: в ходе оперативной разработки чекистам, как выяснила «Новая газета», удалось доказать связь криминальной России с Россией правоохранительной.

Приключение Итальянца

14 декабря 2015 года на Рочдельской улице позднюю зимнюю тишину нарушила серия выстрелов из травматического и боевого оружия. В перестрелке, напомиравшей смесь из вестернов Дикого Запада и криминальных разборок 90-х, погибли два человека. Оба, в составе значительной группы из двух десятков бойцов, приехали в ресторан Elements, где планировали получить от владелицы заведения Жанны Ким около 10 млн рублей в счет ее долга перед дизайнером Фатимой Масиковой.

Последняя обратилась за помощью в получении денежных средств в размере 8 млн рублей (за оказание дизайнерских услуг) к своему приятелю — авторитетному бизнесмену Андрею Кочуйкову (Итальянец), якобы известному в криминальной среде как правая рука вора в законе Захария Калашова (Шакро Молодой). Шакро — один из самых влиятельных «законников» страны, обладает воровской короной, дающей полномочия на коронацию и на обратный процесс.

Интересы Ким в тот вечер представляли сотрудники адвокатской кол-

легии «Диктатура закона» Владимир Костриченко и Петр Черчинцев, а также их начальник Эдуард Буданцев — бывший оперативный работник 9-го управления КГБ СССР (одно время он был личным охранником тогдашнего министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе) и ГУОП МВД (где отвечал за внедрение агентуры в преступные группировки).

«Эдик — блестящий опер и очень боевой человек. Когда-то он считался самым приближенным к главе МВД Владимиру Рушайло. Покинув силовой блок в середине 90-х, он некоторое время проработал в Федеральном агентстве по интеллектуальной собственности, после чего основал фонд содействия правоохранительным органам и получил статус адвоката. Под прикрытием собственного адвокатского бюро он решал зачастую пограничные ситуации: легко мог развести по сторонам представителей северокавказских и славянских групп, продавить необходимый вопрос в системе МВД», — рассказывает знакомый Эдуарда Буданцева.

По словам собеседника, Буданцев согласился урегулировать конфликт Ким со знакомыми Масиковой по просьбе некоего крупного бизнесмена, фактически оплатившего покупку ресторана Elements.

Некоторое время две группы пытались урегулировать спор мирным путем, рассказывает участник тех событий. Но спустя какое-то время между Буданцевым и Кочуйковым вспыхнул конфликт. «Буданцев был непробиваем — стоял на своем, довольно жестко, но в то же время корректно отказывал в удовлетворении требований Андрея выплатить деньги Масиковой. Тогда Андрей сказал, что его визит согласован с Шакро, но на Буданцева это имя не подействовало. Андрей вспылил и предложил продолжить разговор на улице», — вспоминает участник тех событий.

На крыльце заведения, продолжает очевидец, тональность беседы резко переменилась: Кочуйков стал позволять себе хамские выпады, на что получал аналогичные по форме ответы. «Когда ситуация стала закипать, в дело вмешался Хохол — он одним ударом положил Буданцева на землю», — вспоминает собеседник, имея в виду прибывшего в составе группы Итальянца сотрудника ЧОП «Сириус» (осуществлявшего личную охрану Кочуйкова) Алексея Китаева. Китаев — член группировки футбольных фанатов «Школа» (так называемой «фирмы» московского «Спартак»).

Обе группы разбежались и открыли огонь. Показания свидетелей инцидента относительно зачинщика стрельбы, разумеется, оказались прямо противоположными, не дают ясной картины и видеозаписи с камер наблюдения ресторана.

Поднявшийся (как позже выяснится, с переломом нижней челюсти) Буданцев несколькими выстрелами из своего наградного оружия уложил двух охранников Итальянца, в том числе и Алексея Китаева. Причем на видеозаписях видно, как один из бойцов получает смертельное ранение в момент, когда пытается оттащить Китаева из эпицентра конфликта. По словам участника событий, Китаев фактически спас Кочуйкову жизнь: «Хохол принял в себя пули, которые были адресованы Андрею».

в одно производство, Кочуйков и один из его уцелевших охранников — Эдуард Романов — по подозрению в вымогательстве были взяты судом под стражу и направлены в СИЗО «Матросская Тишина», а Буданцев — помещен под домашний арест в связи с убийством двух человек.

С этого момента, как говорят наши источники, и без того резонансное дело привлекло внимание руководства ГСУ СКР по Москве, а также высокопоставленных сотрудников центрального аппарата СКР. Впрочем, такое внимание было обусловлено не жестким процессуальным контролем за расследованием дела, а «поиском механизмов смягчить обвинение для Кочуйкова».

По словам источника в ФСБ, примерно тогда, в начале этого года, лубянские

«В это трудно поверить, но Шакро приехал в Следственный комитет, чтобы сообщить Итальянцу, что тот скоро выйдет на волю», — рассказывает сотрудник ФСБ, подчеркивая, что этот разговор, а также многие другие были записаны

По словам сослуживца Буданцева, дело могло закончиться и большим количеством трупов, если бы не полученная бывшим руоповцем травма: «Зная умение Эдика обращаться со стрелковым оружием, люди Итальянца могут благодарить себя за то, что успели сломать ему челюсть — иначе бы вряд ли кто-то из них ушел оттуда живым. Буданцев — блестящий стрелок, способный в движении поразить в короткий срок до 20 целей на дальней дистанции».

Все это время за конфликтом в стороне наблюдали сотрудники ОВД по Пресненскому району, прибывшие на встречу в качестве полицейской поддержки Итальянца.

Следствие

На следующий день СУ СКР по ЦАО возбудило сразу три уголовных дела: по факту убийства двух или более лиц (ч. 2 ст. 105 УК РФ), вымогательству владелицы ресторана Ким денежной суммы в особо крупном размере (ч. 3 ст. 163 УК РФ) и совершенному группой лиц хулиганству (ч. 2 ст. 213 УК РФ). Все три дела были объедине-

оперативники и начали разрабатывать работников СКР. Причем сигнал о наблюдении за следователями, со слов собеседника, был подан Эдуардом Буданцевым: «Его [Буданцева] мотивы были понятны: квалификация его преступления зависела от квалификации деяния его оппонента. В случае смягчения обвинения Кочуйкову (а уже тогда рассматривались варианты признать его действия в отношении Ким самоуправством) Буданцев фактически лишился возможности на переквалификацию собственного деяния — с убийства на превышение пределов необходимой обороны, повлекшее смерть (ч. 1 ст. 108 УК РФ). До двадцати лет или до двух — есть из чего выбирать, не правда ли?»

Процессуальные качели СКР, как выяснится, качнутся в сторону Андрея Кочуйкова. Правда, когда следствие начнет реализовывать механизм смягчения вины Итальянцу, каждое их действие будут фиксировать сотрудники ФСБ.

Деталь: по нашим данным, первыми оперативную разработку следователей СКР начали сотрудники Службы контрразведки (СК) ФСБ (занимается враждебным про-

Задержание вора в законе Захария Калашова (Шакро Молодой)

никновением иностранных спецслужб и организаций), после чего к процессу подключились их коллеги из Управления «М» ФСБ (осуществляет контрразведывательное обеспечение правоохранительной системы).

«Именно 1-я служба [СК ФСБ] начала разработку следователей. Она же провела тяжелейшие ОТМ (оперативно-технические мероприятия — негласные аудиозапись, видеонаблюдение, снятие информации с технических каналов связи. — А.С.), — делится сотрудник ФСБ.

В ходе проведения ОТМ, по словам собеседника, оперативникам удалось установить постоянный контакт Кочуйкова с Калашовым (Шакро) — «законник» будто бы рассказывал своему соратнику о достижениях договоренностей по его освобождению с некими людьми из центрального аппарата СКР.

Тогда же под круглосуточное наблюдение был взят сам Шакро. Результаты разработки вора в законе повергли оперативников в шок, рассказывает наш источник в ФСБ: «Удалось установить прямые (то есть без посредников) переговоры Шакро с высокопоставленными работниками ГУУР МВД и администрации президента. В одном из разговоров, например, Калашов обсуждал с известным политическим деятелем (фамилия и имя известны редакции. — А.С.) вопрос сбора «криминальных денег» для нужд Донбасса».

СВЯЗНОЙ

В конце февраля, как установили оперативники ФСБ, Дмитрий Звонцев, руководитель одного из ЧОПов Шакро, якобы встретился с главой УМВиСБ СКР Михаилом Максименко. На встрече, как впоследствии пояснит в своих показаниях Звонцев, была достигнута договоренность об освобождении итальянца до конца лета за 1 млн долларов.

Максименко, как следует из рассказа оперативника ФСБ, будто бы поручил своему заместителю, главе УСБ СКР Александру Ламонову, связаться с руководством ГСУ СКР для изъятия уголовного дела из производства окружного управления и его передачи в СК по Москве.

Тогда 1 марта указанием заместителя начальника столичного ГСУ СКР Дениса Никандрова уголовное дело было изъято, материалы — по вымогательству — выделены в отдельное производство и возвращены для дальнейшего расследования в СУ СКР по ЦАО. Выделенное дело по

вымогательству принял в свое производство следователь Андрей Бочков.

Бочкова ряд источников в СКР и Генпрокуратуре, с которыми нам удалось поговорить, считают едва ли не основной фигурой, позволившей накопить материал на Никандрова, Максименко и Ламонова. По словам наших собеседников, Бочков якобы попал на службу в СКР благодаря своему отцу, выполняющему функции водителя и личного адъютанта заместителя генпрокурора Александра Буксмана. Начальник Бочкова, глава СУ СКР по ЦАО Алексей Крамаренко, в свою очередь, считается человеком 6-й службы УСБ ФСБ — одного из самых известных и результативных с точки зрения громких операций структурных подразделений ФСБ. «Крамаренко работал в следственном управлении ФСКН, когда им руководили Виктор Черкесов и Александр Бульбов. В начале нулевых он нашел общий язык с «шестеркой», после чего ему помогли перебраться в СКП (на тот момент — Следственный комитет при прокуратуре. — А.С.). Когда УСБ ФСБ вело разработку генерала Бульбова и «дело Черкизона», Крамаренко был включен в следственную группу старшего следователя Альберта Богдановича. Крамаренко — свой человек для УСБ ФСБ», — рассказывает сотрудник СКР.

Одно из последних резонансных уголовных дел СУ СКР по ЦАО — расследование обстоятельств хищения здания в центре Москвы, в результате которого были осуждены бывший сотрудник ФСБ Андрей Музиков, экс-оперативник ФСКН Сергей Шишаков и едва не ока-

зался в статусе подозреваемого бывший подчиненный и друг Бульбова, а ныне депутат Госдумы Денис Вороненков — также сопровождала 6-я служба УСБ ФСБ.

«Шестерка», подтверждает сотрудник ФСБ, помогла СК ФСБ и Управлению «М» — Андрей Бочков и Алексей Крамаренко с момента возвращения дела о вымогательстве в ЦАО уже работали на них.

Передача денег

В середине июня к зданию СУ СКР по ЦАО на улице Льва Толстого подъехали несколько элитных иномарок. Из одной вышел крепкий молодой человек со спортивной сумкой и направился в сторону автомобиля, находившегося недалеко от крыльца здания окружного СКР. Далее сумка, в которой, как утверждают оперативники ФСБ, будто бы находился 1 млн долларов, была помещена в багажник автомобиля.

Только после этого из иномарки вышел Захарий Калашов: он приехал к следователю Бочкову, в кабинете которого находился доставленный из СИЗО Андрей Кочуйков. Все это время действия Шакро и его подручных документировали сотрудники ФСБ, находившиеся в припаркованном неподалеку микроавтобусе.

«В это трудно поверить, но Шакро приехал в Следственный комитет, чтобы сообщить итальянцу, что тот скоро выйдет на волю», — рассказывает сотрудник ФСБ, подчеркивая, что этот разговор, а также многие другие были записаны.

Вскоре после этого Кочуйков был выпущен из «Матросской Тишины», у ворот

СИЗО его встречал внушительный кортеж дорогих автомобилей. К тому моменту обвинение Кочуйкову было переквалифицировано на самоуправство, предельный срок содержания под стражей по которому составлял шесть месяцев. Однако долгожданное освобождение итальянца не состоялось: не успев выйти за порог изолятора, он тут же был схвачен сотрудниками ФСБ.

Как поясняет сотрудник ФСБ, смягчение обвинения итальянцу и его освобождение «закрепили преступный состав в действиях следствия».

Спустя некоторое время спецназ ФСБ навесил Захария Калашова, который был задержан СУ ФСБ в рамках уголовного дела, возбужденного по факту дачи взятки должностному лицу. Вскоре та же участь постигла и высокопоставленных сотрудников СКР.

Впрочем, по словам сотрудника ФСБ, операция по «санации правоохранительной системы России», как ее назвал пресс-секретарь президента Дмитрий Песков, еще не завершена — в ближайшее время в списке фигурантов могут появиться и другие крупные силовики.

«Дело [Итальянца] разваливал не только СКР, но и МВД, чей уголовный розыск [ГУУР] осуществлял оперсопровождение при расследовании вымогательства. Один из руководителей УГРО, насколько известно, уже объяснился за связь с Шакро перед своим министром».

Вся эта история будто возвращает нас на 20 лет назад: те же «стрелки» в ресторанах, те же воры в законе, которые, вопреки уверениям в отсутствии организованной преступности в России, по-прежнему способны «решать» любые вопросы, пользуясь административным ресурсом; они оказались имплантированы в силовую и экономическую вертикаль.

В 2014 году Шакро Молодой вернулся в Россию из Испании, где отбывал девятилетний срок за отмывание денежных средств, в статусе одного из главных претендентов на неформальный пост лидера оргпреступности на постсоветском пространстве. После прохождения пограничного контроля в аэропорту Домодедово авторитет был задержан сотрудниками ГУУР МВД и доставлен в здание министерства на Житной улице, как затем объяснили сыщики, «для проведения профилактической беседы». Оглядываясь на историю с задержанием высокопоставленных сотрудников СКР, кажется, что беседа с Шакро на Житной была не профилактической, а скорее, ознакомительной.

И может быть, никто и не заметил бы ни перестрелки у ресторана, ни попытки развалить дело, и никто не смел бы потревожить Шакро, если бы не разгоревшаяся с новой силой межведомственная борьба силовиков. Ну не бывает в России громких посадок и арестов в ином контексте.

Андрей СУХОТИН,
«Новая»

ПОД ТЕКСТ

Насколько известно «Новой», глава СКР Александр Бастрыкин узнал о деталях операции всего за несколько минут до обысков в кабинетах своих подчиненных, один из которых — Михаил Максименко, бывший сотрудник ФСБ — наиболее доверенное лицо руководителя СКР. Ценен для российского следствия и 37-летний генерал-майор Денис Никандров, рекрутированный в Москву из волгоградского управления ведомства, где прославился расследованием уголовных дел в отношении мэра Волгограда и руководителя областной полиции. В Москве он тоже не затерялся — расследовал весьма особенные дела: дело о взятке своего бывшего начальника, экс-руководителя Следственного управления СКР Дмитрия Довгия, бывшего начальника отдела Следственного управления Главной военной прокуратуры Андрея Сагуры, дело о крышевании подмосковными прокурорами нелегальных казино, второе дело ЮКОСА.

Официальный представитель Следственного комитета Владимир Маркин, через сутки комментируя аресты своих сослуживцев, заявил, что уголовное дело бросает тень на все ведомство, однако работа по «самоочищению» СК продолжится: «Стыдно и горько за то, что произошло с нашими так называемыми коллегами», — написал в своем твиттере генерал Маркин.

Однако в данном конкретном случае самоочищением заняться не придется: расследование поручено Следственному управлению ФСБ, а не самому СКР.

И еще одно: в отличие от дела губернатора Никиты Белых, президент с самого начала был проинформирован обо всем происходящем.

Ирек МУРТАЗИН,
«Новая»

Банкстеры

Разорение банков поставлено на конвейер, а расплачивается за все государство — то есть налогоплательщики

14 июля ЦБ отозвал лицензию рязанского ООО РИКБ «Ринвестбанк». К банкротству банка, предположительно, может быть причастна команда, собранная финансистом Владимиром Романовым. В послужном списке «команды Романова» это уже третий «лопнувший» банк. До этого были банк «Электроника» (лицензия отозвана 25 декабря 2008 года) и Сберкредбанк (лицензия отозвана 18 марта 2014).

Самобанкротство Ринвестбанка

Ринвестбанк был готов к банкротству еще в мае. Но когда в рязанской прессе появилась информация о трудностях с выдачей денег клиентам, менеджмент банка отреагировал стремительно — 13 мая было распространено такое сообщение: «...слухи о введении очереди на получение вкладов, процентов независимо от их размера являются лживыми и не имеют под собой реальных фактов». При этом банк припугнул, что оставляет за собой право обратиться в Арбитражный суд с исками к СМИ «...о возмещении ущерба, полученного в результате распространения неподтвержденной, непроверенной, ложной информации, наносящей ущерб деловой репутации и, как следствие, ослабляющей деятельность банка».

Прошло полтора месяца, и 5 июля Ринвестбанк снова заявил о намерении обратиться в Арбитражный суд. Только не с исками к СМИ, а с заявлением о признании банка банкротом. Это коллегиальное решение собрания учредителей банка было принято накануне, 4 июля. Тогда же учредители проголосовали и за направление в Центробанк ходатайства «...об аннулировании лицензии ООО РИКБ «Ринвестбанк» на осуществление банковских операций». А клиентов банк успокоил: не переживайте, мы входим в систему обязательного страхования вкладов, и АСВ вернет вам деньги. Держитесь!

В сообщении Ринвестбанка, распространенном в мае, тоже подчеркивалась забота. И не только о клиентах, а обо всем регионе. Мол, распространение негативной информации «...оказывает существенное влияние на ухудшение благоприятного экономического и социального климата Рязанского края, а также несет в себе риски социального характера, связанные со спокойствием, уверенностью и здоровьем Клиентов Банка». Именно так: словосочетание «Клиентов Банка» — с больших букв.

Демонстративно уважительное отношение к частным вкладчикам вполне объяснимо. В течение двенадцати месяцев, с 1 июня 2015 года, в Ринвестбанке резко, на 61,1%, увеличились вклады физических лиц. С 3,62 до 5,83 млрд рублей. То есть рязанцы, поверив навязчивой рекламе, массово открывали в банке депозитные счета на год и больше. Привлеченные средства банк тут же выдавал в виде кредитов юридическим лицам. На 1 июня кредитный портфель банка составлял 5,06 млрд рублей. И у меня есть основания предполагать, что львиная доля кредитов была выдана «дружественным» фирмам под залог сомнительных активов с минимальными шансами возврата денег.

А инициатива самобанкротства банка, как мне кажется, — это изощренный способ уйти от ответственности за доведение банка до краха.

Подозрения в причастности менеджмента к краху банка возникли при изучении корпоративной переписки ООО «Управляющая компания «Навигатор».

УК «Навигатор» формально не имеет никакого отношения к ООО РИКБ «Ринвестбанк», но судя по переписке, попавшей в распоряжение «Новой», именно в «Навигаторе» принимались стратегические решения, связанные с деятельностью как Ринвестбанка, так и Сберкредбанка, у которого отозвали лицензию, напомним, в 2014 году.

Очень часто в переписке фигурирует финансист Владимир Романов, отдающий распоряжения, то есть, можно предположить, фактически руководивший топ-менеджерами банков как минимум в период, предшествующий отзыву лицензий.

Фактор Романова

Выпускник экономического факультета МГУ Владимир Романов попал в поле зрения «Новой» еще три года назад, когда отдел расследований газеты занялся изучением хитроумных схем, при помощи которых из банка «Электроника» выводились деньги. Романов возглавлял этот банк до самого начала процедуры банкротства. И именно под его руководством незадолго до отзыва лицензии было выдано 49 странных кредитов на сумму 3,108 млрд рублей. Все 49 кредитов были предоставлены на приобретение ценных бумаг — векселей. При этом протоколы заседаний правления банка о выдаче кредитов подписывал лично Романов.

Примененная схема была предельно примитивна. Регистрировались фирмы-однодневки, которые открывали в банке «Электроника» расчетные счета и устанавливали систему «банк-клиент», позволяющую совершать операции по счету, обмениваться документами и информацией с банком без посещения офиса кредитной организации. На эти фирмы-однодневки оформлялись кредиты, которые тут же перекидывались на счета других предприятий по договорам вексельных займов. Эти организации могли быть как легально действующими, так и такими же фантомами-однодневками, которым были выданы банковские кредиты. Они, в свою очередь, перекидывали деньги в третьи фирмы, которые тоже «рассчитывались» векселями.

Дальше у фирм-кредитополучателей под видом поставки несуществующего товара или оказания каких-либо услуг искусственно создавались финансовые обязательства перед организациями следующего эшелона финансовой схемы... Поскольку у всех организаций, в ней задействованных, были открыты счета в банке «Электроника», создавалась видимость мощного денежного потока. Что позволяло банку сдавать в ЦБ вполне приличные отчеты.

Но в результате движения денег и векселей в течение очень короткого времени легально действующие организации получали в свое распоряжение финансовые средства от фирм-однодневок, на которые были оформлены кредиты. При этом они не имели перед «Электроникой» никаких обязательств. А банк не имел никаких правовых оснований для предъявлений

претензий конечным получателям денег, потому что формально никаких заемных средств им не предоставлял. В то же время с организаций, на которые первоначально оформлялись кредиты, взять было нечего — их счета были обнулены (*подробности в «Новой» №45 от 25 апреля 2014*).

По факту краха «Электроника» ГСУ при ГУВД Москвы возбудило уголовное дело №304286 по статье 196 УК РФ («Преднамеренное банкротство»). Следствие установило, что с 29 октября 2007 года по 20 октября 2008 года банк выдал 8,992 млрд рублей кредитов без обеспечения в виде залогов или поручительства. Но сотрудникам ГСУ так и не удалось обнаружить по месту регистрации фирмы, которым выдавались кредиты.

1 млрд рублей. Под залог комплекса был выдан кредит около 1 млрд рублей. Но кредит был оформлен как на «Авиадедал», так и на предприятие «Альтиресурс». В последующем была произведена замена заемщика. Вместо «Альтиресурса» им стала компания «Ратерен». Практически параллельно сменился и собственник физкультурно-оздоровительного комплекса. Им стало ООО «Лесной остров».

«Точно так же выдавались кредиты под залог имущества ООО «Твое время», которое выступило залогодателем по кредиту, выданному фирме «Регалпроморг». Это был неплохой залог: нежилые помещения в Твери, право собственности на землю в тверском пригороде, в поселке Химинститут, — всего приблизительно

«Имущество, закладываемое под кредиты Сберкредбанка, после краха этого банка нигде не исчезло, а оказалось в залогах по кредитам, выданным... рязанским Ринвестбанком»

В итоге в марте 2013 года уголовное дело было закрыто. Пресс-служба ГСУ при ГУВД по Москве три года назад сообщила, что в результате проведенных экспертиз не было обнаружено состава преступления в действиях сотрудников банка.

Агентство по страхованию вкладов (АСВ) попыталось в Арбитражном суде взыскать с Владимира Романова ущерб, нанесенный банку. Но безрезультатно.

Как «утонул» Сберкредбанк

В то время, пока я разбирался в схемах вывода денег из банка «Электроника», Владимир Романов не сидел сложа руки. Он сколотил новую команду и пришел в Сберкредбанк. Но поскольку сам он в этом банке не занимал никаких должностей, о его возможной роли в крахе этого банка мы узнали только сейчас. Из корпоративной переписки УК «Навигатор». В Сберкредбанке была применена другая схема.

Рассказывают бывшие сотрудники и клиенты Сберкредбанка, пожелавшие сохранить анонимность:

«Деньги выводились через выдачу кредитов под залог активов. При этом и кредитополучателями и залогодателями были компании, контролируемые Владимиром Романовым. В последующем председатель правления банка Всеволод Львов аннулировал договоры залога. В результате банк оставался и без денег, выданных в кредит, и без залога.»

Конкретный пример. Московская компания «Авиадедал» владела физкультурно-оздоровительным комплексом на улице Барышиха, стоимостью около

на 100 млн рублей. Но вскоре залогодатель был выведен из Сберкредбанка.

Точно так же были оформлены кредиты, по которым залогодателем выступило ООО «Агрофуд», владеющее около 10 тыс. гектаров пашни в Воронежской области. Но уже по накатанной схеме вскоре после оформления кредита произошла замена поручителя.

Мне удалось дозвониться до бывшего председателя правления Всеволода Львова. Но он заявил, что отвечать на вопросы по телефону не будет, а встретиться со мной он не сможет, поскольку в ближайшее время у него не будет времени.

Когда у Сберкредбанка отозвали лицензию и в банк пришли курсовые управляющие, назначенные АСВ, выяснилось, что большинство компаний, числящихся залогодателями по кредитам, на самом деле пустышки, в активе которых практически нет ничего, кроме долгов. В итоге АСВ, выплатив деньги вкладчикам, потеряло около 6 млрд рублей.

Дежавю

Имущество, закладываемое под кредиты Сберкредбанка, после краха этого банка нигде не исчезло, а оказалось в залогах по кредитам, выданным... рязанским Ринвестбанком. К примеру, 1257,1 кв. метров нежилых помещений в Пролетарском районе Твери, принадлежащие ООО «Твое время», находятся в «Договоре ипотеки (залога недвижимости)» №0006/Ю32-15 от 11 ноября 2015 года, заключенном между собственником и банком.

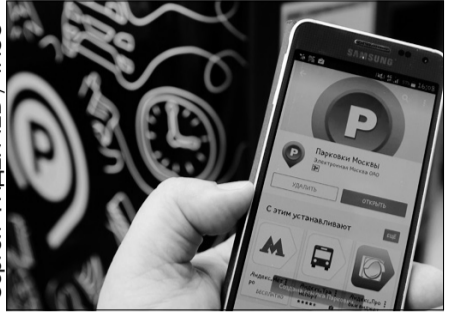
Московская недвижимость, некогда принадлежавшая компании

НОУ-ХАУ

Куда техника ДОШЛА

Администратор московских платных парковок ищет у себя утечки информации

Сергей ФАДЕЙЧЕВ / ТАСС

В Москве разгорается скандал с программным обеспечением для платных парковок. Блогеры в Москве и Казахстане обнаружили, что сайты сервисов платной парковки в Москве и Алматы похожи настолько, будто один скопировали с другого. Оба сайта, как и мобильные приложения, делала эстонская компания «Now! Innovations» — этим можно объяснить сходство дизайна и функционала. Однако в коде казахского сайта обнаружили фрагменты кода московского сайта, запущенного несколько лет назад, например, ссылка на профиль дептранса в сети «ВКонтакте». Блогеры подозревают, что программное обеспечение, созданное для Москвы, было украдено и продано властям Алматы. В ГКУ «Администратор Московского парковочного пространства» говорят, что утечек информации у себя не нашли.

Информация о том, что недавно запущенный сайт «Платные парковки Алматы» может быть списан с сайта Московского паркинга, появилась 14 июля в Живом Журнале ezhick.livejournal.com — автор скрывается под псевдонимом Иван Ежиков. Он обвинил бывшего начальника дирекции информационных технологий ГКУ «Администратор Московского парковочного пространства» (АМПП) Романа Налепова в краже программного обеспечения: по версии блогера, Налепов, который сейчас работает техническим директором ТОО «Алматы техспецпаркинг сервис», мог незаконно «унести» софт со старого места работы на новое. Либо имущество, принадлежащее городу, было продано за рубеж.

Но работала с готовым ядром, которое предоставила «Now! Innovations».

«Москве принадлежит программная платформа для автоматизированной информационной системы управления объектами парковочного пространства города Москвы, согласно государственному контракту между ОАО «Электронная Москва» и «НАУ! Инновейшенс», — пояснил «Новой» Александр Гривняк, генеральный директор АМПП. — Это значит, что Москва имеет эксклюзивные права на использование данной системы на территории Москвы и может дорабатывать ее. При этом «НАУ! Инновейшенс» имеет право продать ядро этой платформы покупателю в любой другой город и в любую другую страну. Ядро данной платформы не создавалась конкретно под Москву, впервые она появилась в Киеве в 2008 году, в 2009-м они запустили ее в США. Сейчас она действует также в 50 городах США и, например, в Бельгии».

И в АМПП, и в департаменте информационных технологий заверяют: московские власти не продавали и не передавали программное обеспечение в Казахстан. «Алматы или любой другой город может использовать в своей системе ту же программную платформу, на базе которой четыре года назад создавалась московская система, — говорит пресс-секретарь департамента информационных технологий Елена Новикова. — При этом в полном объеме доработанная и заточенная для нужд Москвы система АИС ЕПП использовать никак другим не может».

Тем не менее остается непонятным, как вышло, что код алматинского сайта в точности копирует элементы московского, ведь если казахам досталось только ядро системы, отсылок к аккаунтам Московского паркинга в соцсетях в этом ядре быть не должно. 14 июля ТОО «Алматы техспецпаркинг сервис» в комментарии portalu Tengrinews сообщило, что работало напрямую с «Now! Innovations».

По словам пресс-секретаря АМПП Ксении Бродуленко, сейчас в учреждении идет проверка, были ли утечки информации. Но пока их не нашли. «Пока никаких данных о том, что незаконно использовали данные, принадлежащие городу Москве, нет», — сообщила Бродуленко «Новой».

Комментарии от «Алматы спецтехпаркинг сервис» тоже пока не проясняют сходства кода других сайтов. «Переговоры о внедрении данного продукта велись напрямую с эстонскими разработчиками. К переговорам с вендором привлекались непосредственно представители казахстанских инвесторов», — гласит официальный ответ компании.

Связаться с Романом Налеповым через «Алматы спецтехпаркинг сервис», а также с эстонской компанией не удалось.

Анна БАЙДАКОВА,
«Новая»

Саруханов

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

«Авиадедал» и перекинута в ООО «Лесной остров», сейчас тоже находится в залоге «Ринвестбанка». Правда, кредиты, выданные под залог этой недвижимости, превышают ее реальную стоимость. Может, именно поэтому эти активы не стали уводить — чтобы сделки не выглядели криминальными. Да и конкурсные управляющие смогут хоть что-то вернуть. И это «хоть что-то» позволит членам «команды Романова» избежать уголовного преследования.

Команда Романова

В корпоративной переписке «Навигатора» всплывают десяток фамилий. О роли каждого из членов «команды Романова» в выводе денег вкладчиков Сберкредбанка и Ринвестбанка можно написать отдельную брошюру, раскрыв и связь этих персон с Романовым. Но остановимся только на председателе правления Ринвестбанка, одновременно занимающем должность заместителя председателя совета директоров банка, Максиме Ткачеве.

С сентября 2009 года по апрель 2014-го Ткачев работал генеральным директором «Навигатора». С сентября 2011 года по совместительству он возглавлял и ООО «Лайт-Инвест». А уволился он из этого ООО лишь в апреле прошлого года.

И к «Навигатору», и к «Лайт-Инвесту» самое непосредственное отношение имеет Владимир Романов. Дело в том, что Романов — единственный акционер ЗАО «Компания «АПЕЛЛА-1» с нештучным уставным фондом в 110 миллионов рублей (к слову, именно это ЗАО владело 14,16% акций банка «Электроника»). По данным ЕГРЮЛ, «АПЕЛЛА-1» владела 99,9% уставного капитала (299 970 000 руб.) ЗАО «ЭКОФИНАНС». В свою очередь, с 18 августа 2010 года «ЭКОФИНАНС» — единственный учредитель ООО «Лайт-Инвест» (уставной фонд — 260 724 500 руб.). Напомню, именно этой компанией с сентября 2011 года руководил Максим Ткачев.

Уже упомянутое ЗАО «ЭКОФИНАНС», контролируемое Владимиром Романовым, единственный ак-

ционер еще одного предприятия — ЗАО «Профессиональные стандарты» (уставной фонд — 300 000 000 руб.). А это ЗАО — один из учредителей того самого «Навигатора», где фактически принимались стратегические решения по двум банкам — Ринвестбанк и Сберкредбанк.

Несколько дней пытался связаться и с Владимиром Романовым, и с Максимом Ткачевым, чтобы получить их комментарии. Но звонки на мобильные они оба проигнорировали.

Атомный след

Когда обанкротилась «Электроника», в банке «сгорели» деньги и такой серьезной организации, как «Росатом». Это могло показаться случайностью. Но «атомный след» проявился и в Ринвестбанке.

Смотрите сами. В совет директоров банка входит некто Сергей Малинов. С 2006 по 2010 год он работал заместителем генерального директора ОАО «Концерн Росэнергоатом». С апреля 2010 года по май 2011-го Малинов трудился советником генерального директора ОАО «Атомэнергомаш». На предприятиях, входящих в госкорпорацию «Росатом», работал и Павел Витальевич Романов. Возможно, это случайное совпадение, но фамилия, имя, отчество, дата рождения топ-менеджера Росатома полностью совпадают с персональными данными родного брата Владимира Романова, бывшего официального руководителя банка «Электроника», который, предположительно, мог иметь отношение к обездешиванию Сберкредбанка и Ринвестбанка.

Таким образом, в трех банках, предположительно, одни и те же люди, применив различные схемы, вывели миллиарды рублей, а с кинутыми вкладчиками рассчиталось Агентство по страхованию вкладов — то есть государство.

Ирек МУРТАЗИН,
спец. корр. «Новой»

Нашумевшее дело «партизан» тянется с 2010 года: именно тогда, в июне 2010-го, четверых парней из поселка Кировский после масштабной полицейской операции с привлечением внутренних войск, бронетехники и авиации, нашли и блокировали на съемной квартире в центре города Уссурийска. После перестрелки двое лидеров банды — Андрей Сухорада и Александр Сладких, по официальной версии, покончили с собой, чтобы не сдаваться в руки правосудия. Родные уверены, что их убили. А еще двое, Роман Савченко и Александр Ковтун, были задержаны.

Юрий СМИТЮК / ТАСС

Как в кино

В суде Приморского края коллегия присяжных вынесла оправдательный вердикт двоим подсудимым из «приморских партизан»

В то же время, когда в Уссурийске брали основных членов банды, в поселке Кировском были задержаны Владимир Илютиков и Максим Кириллов — их также обвинили в участии в ряде эпизодов преступной деятельности банды «партизан». Среди них — разбойные нападения на сотрудников МВД, а также кражи, грабежи и разбой в отношении простых граждан.

Некоторое время спустя в Кировском были задержаны Алексей Никитин, считавшийся пособником бандитов, и Вадим Ковтун — старший брат члена банды Александра Ковтуна. Обоим были вменены эпизоды преступлений, не связанные с основным обвинением «партизан».

Основным обвинением для них явился эпизод с убийством четверых человек в поселке Кировском осенью 2009 года. Двое из убитых считались наркобаронами местного масштаба, владельцами плантации конопли, а двое других, по слухам, состояли у них на службе в качестве сторожей этой делянки. По версии

обвинения, «партизаны» расправились со всеми четверыми, зарыв в лесу их тела, завладев автомобилем «Тойота Сурф», деньгами и имуществом убитых, включая наркосодержащий урожай с плантации.

Однако доказанность этого эпизода, история с пропажей из Приморского краевого суда трех томов уголовного дела банды «партизан», включая листы явки с повинной Алексея Никитина с пятнами, похожими на кровь, внушили сомнения коллегии Верховного суда РФ. И приговор суда в части эпизода с этим убийством четверых сельчан в сентябре

2009 года был отменен. Дело направили на новое рассмотрение, которое и завершилось оправдательным вердиктом, после которого Алексея Никитина и Вадима Ковтуна освободили из-под стражи прямо в зале суда.

Теперь эти двое вправе требовать компенсации от казны за незаконное уголовное преследование и содержание под стражей в течение 6 лет, тогда как остальные участники банды «приморских партизан» будут отбывать длительные сроки лишения свободы. Их вина в части краж, грабежей и разбоев, включая

разбойные нападения на патрули ДПС и отделы МВД в селах Варфоломеевка и Ракитное, убийства сотрудников МВД, вполне доказана. Мотивы «мести за беспредел», на которых настаивали подсудимые, на присяжных впечатления не произвели. У «партизан» было изъято в числе прочего и табельное оружие убитого во Владивостоке офицера МВД, а также другое оружие.

Основным мотивом нападений на патрули следствие сочло стремление получить автомат АКСУ калибра 5,45 мм, состоящий на вооружении МВД. У бандитов имелся АКМ калибра 7,62, но к нему было мало патронов, тогда как в таежном схроне банды был обнаружен целый цинк патронов к автомату 5,45, но самого оружия этого калибра у «партизан» не было.

Таким образом, в громком деле приморской банды поставлена точка: четверо осужденных, признанных виновными в ряде эпизодов преступной деятельности, продолжают отбывать длительные сроки, двое других, чье участие в банде изначально вызывало сомнения, оправданы и освобождены.

Тем временем прокуратура Приморского края уже заявила о том, что намерена обжаловать состоявшееся судебное решение в Верховном суде РФ. Как заявил представитель прокуратуры: «Отменяя приговор по этому эпизоду, Верховный суд Российской Федерации не давал оценку доказанности либо недоказанности вины подсудимых. Основанием для отмены послужили процессуальные нарушения, которые касались в том числе технической стороны заполнения вопросного листа и содержания напутственного слова председателяствующего судьи».

Освобожденные в зале суда Ковтун и Никитин в первые минуты на свободе заявили, что хотят снять фильм о судебном процессе по делу «партизан», если найдут спонсоров и режиссера.

Виктор БУЛАВИНЦЕВ,
специально для «Новой»,
Владивосток

А В ЭТО ВРЕМЯ

Камчатский краевой суд отменил решение Петропавловск-Камчатского городского суда шестилетней давности, признавшего мультфильм «Лицо фюрера» студии Уолта Диснея из серии «про Дональда Дака и фашизм» экстремистским.

В Федеральный список экстремистских материалов этот мультфильм попал вместе с сотней видеороликов, которые загрузил на свою страницу «ВКонтакте» житель Камчатки Станислав Семенов, за что был приговорен по статье 282 УК РФ («возбуждение ненависти либо вражды») к шести месяцам лишения свободы условно.

Пять лет спустя — в сентябре 2015-го за публикацию в соцсетях того же мультфильма и двух других сюжетов, признанных экстремистскими, были привлечены к административной ответственности два жителя закрытого города Северска (Томская область). Городской суд признал их виновными по статье 20.29 КоАП и оштрафовал на 3 тысячи рублей каждого.

Стоит отметить, что оба судебных решения принимались в годы юбилеев — 65-летия и 70-летия победы в Великой Отечественной войне.

Мультфильм про утенка Дональда Дака, которому приснилось, что он попал в нацистскую Германию, и этот сон был кошмарным, снимался в 1942 году в рамках антифашистской пропагандистской кампании, проходившей тогда в США и других странах антигитлеровской коалиции. У этого мультфильма была миссия — объединение человечества против фашизма, за что он и удостоился премии «Оскар».

Disney — end

Реабилитирован антифашистский американский мультфильм, снятый во время Второй мировой войны

Однако специалисты, проводившие в 2010 году социолого-психолингвистическую экспертизу по заказу петропавловских правоохранителей, разошлись с мнением американских киноакадемиков: в этом фильме экспертам удалось разглядеть свастику и лицо Гитлера как явные признаки экстремизма.

Недавно запретный видеоролик дошел до краевых прокуроров. Посмотрев его, они пришли к выводу, что их нижестоящие коллеги ошиблись, перепутав в черном белом мультфильме белое с черным — «призывов к экстремизму в нем не содержится, а идеология фашизма показана карикатурно». Краевая прокуратура подала кассационное представление в президиум Камчатского краевого суда, указав, что решение о запрете мультфильма «ущемляет права неопределенного круга лиц на его просмотр». Суд признал прокурорские доводы обоснованными и постановил исключить из резолютивной части приговора Станиславу Семенову решение о признании мультфильма «Дональд Дак и фашизм» экстремистским. В остальном приговор оставлен без изменения, поскольку сомнений в экстремизме других материалов, которые размещал шесть лет назад осужденный на своей странице «ВКонтакте», у суда и прокуратуры нет.

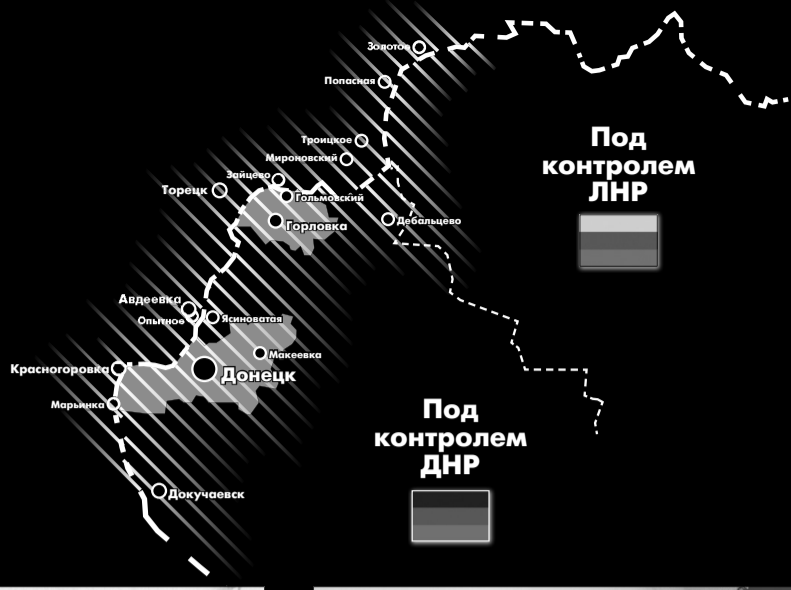
Будут ли обжаловать наложенный на них штраф жители города Северска, пока неизвестно.

В США этот мультфильм получил «Оскар» за объединение против фашизма, в России — попал в список экстремистских материалов

Информационно-аналитический центр «Сова» отмечает, что «казус мультфильма о Дональде Дак» — далеко не единственный пример правовой нелепости при включении ролика или текста в федеральный список экстремистских материалов. «Подобные примеры свидетельствуют о его ненужности и даже вредности, и наилучшим выходом из положения был бы отказ от него», — считают в «Сове».

Георгий БОРОДЯНСКИЙ,
соб. корр. «Новой»,
Томская область

Саша Сечевой, 11 лет, Авдеевка (под контролем ВСУ)

Раненая в Донецке

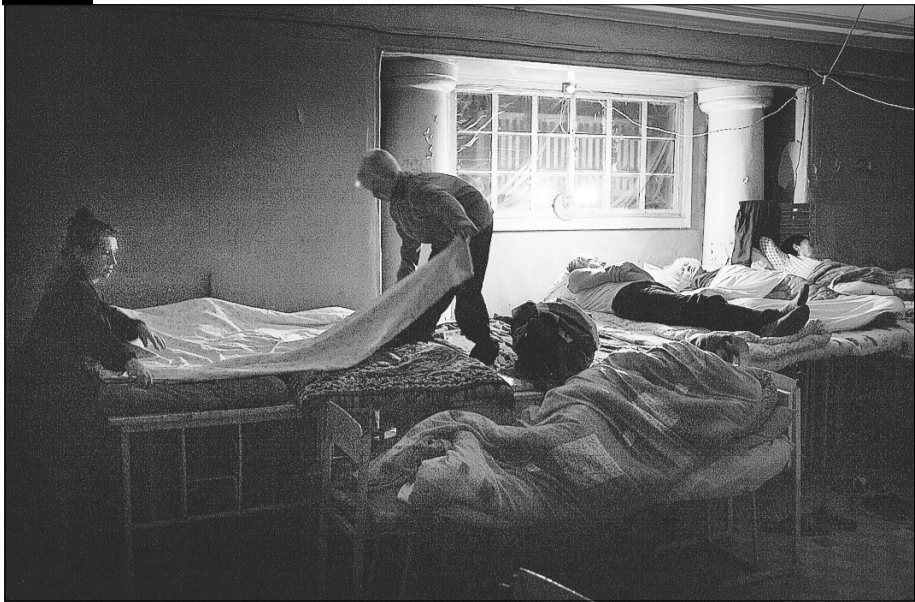
По ту и эту сторону

«Линия соприкосновения» — так теперь лицемерно называют линию фронта между территориями, контролируемые армией Украины и ДНР. Спецкоры «Новой» Анна АРТЕМЬЕВА и Елена РАЧЕВА провели месяц, объезжая города и поселки по обе стороны от нее

По обе стороны мы видели одно и то же: усталость, страх, ненависть к войне, понимание ее бесконечности и бессмысленности. И одновременно — неприязнь к людям, которые оказались на другой стороне, легкость в рассуждениях о конце перемирия, мечты о «победе».

По обе стороны мы много раз слышали призывы возобновить эту войну. И думали: если война вернется, никого из тех, с кем мы говорили, не останется в живых.

Поселок Гольмовский (под контролем ДНР). Убежище

Школа 77 (поселок Гольмовский, 6800 жителей до войны — 1500 сейчас) похожа на замок: красный кирпич, лепнина, старые тополя. Бомбоубежище в подвале школы (бывшей раздевалке) сделали в начале войны, когда двухэтажки поселка посыпались под обстрелами. За два года сюда провели электричество, перенесли две печи из собственных домов, вывели дымоходы в окна. В войну здесь ночевали по 70 человек, теперь, в перемирие, — тридцать. Иногда бомбить Гольмовский начинают и днем, поэтому в школе не ночуют. В ней живут. До линии фронта — метров 500.

Саму школу закрыли еще семь лет назад. Наверху, над убежищем — синие стены с живописно осыпавшейся краской, пустой спортзал с лепниной, плакат «Размещение и роль военного производства в США», аккуратная поленица дров: никто не надеется, что война закончится до холодов. Внизу — составленные вплотную, прикрытые матрасами парты. Пожилая женщина в седых буклях застывает на парте постель, разглаживает складки на белом пододеяльнике. Работает телевизор, на телеканале «Россия» — новости. Прямо в проходе, на четырех составленных вместе школьных стульях, лежит очень маленькая, очень закутанная в платки старушка, вздыхает, ворочается во сне. Стулья скрипят.

Мужчин мало. Некоторые стесняются ночевать в убежище, переселяются в квартирах. Остальные воюют. Бывший шахтер Сережа заходит ненадолго, зовет на шашлык: «В сентябре, на мой день рождения. Если не убьют». Когда шахты вокруг Гольмовского закрылись, работы не стало, а ополчение — гарантированные 15 тысяч рублей. Хватит на семью.

В коридоре у входа режутся в карты пятеро подростков и девушка лет 16 с младенцем на руках. Кажется, кто-то жульничает.

Пока стреляют далеко, собираемся в каморке наверху, здесь тепло и можно поставить чайник. Алла, фактически главная по убежищу, «бывший мент» Галя, Валя. На стол достают три пакетика чая и пять печений — все, что есть. Говорят, что гуманитарку сюда привезли всего один раз, матерятся, вспоминая, как дрались женщины за три куса мыла, три шампуня и одну куклу. Галя говорит, что за время войны у нее выпали зубы и появились болезни печени, Валя — что стала отниматься рука. В Гольмовском они всю войну. «Мы только на два месяца в Мариуполь ездили, — говорит Валя. — Там как в раю: не бомбят, не стреляют...» Фразу «Конец войны» не произносит никто.

— А ведь там, на Украине, наверное, как у нас? — спрашивает вдруг Валя. — Тоже прилеты?

— Там не бывает. Дзэнэры-то не стреляют, — Галя успокаивается, утирает рукавом лицо. — Наши туда не лупят, потому что там тоже наши люди живут.

...Обстрел начинается в 10. «Завтра опять с позиций мясо повезут», — вздрагивает Галя. Бахает тяжело, густо. Мне кажется, что совсем близко, но Алла показывает украинские села где-то на горизонте: «Жованка, Зайцево, Кодема, там стреляют. Там везде укры. Если вам в туалет, девочки, снаружи лучше сейчас. Позже только в ведро».

Часов в 11 снаряд прилетает в жилой дом на украинскую половину разделенного фронта села Зайцево. Вместе с подростками выскакиваем посмотреть, как горит: высокий столп пламени в черном небе.

— О, дрон, — без интереса говорит кто-то из парней, показывает низко и быстро летящую точку посреди неба. — Укры нас видят, короче. Потом он к ним прилетит, они координаты запишут, базу просмотрят — и начнут обстреливать. Ну, короче, как обычно.

Уходят в убежище.

Одежду для ночлега нам собирают всем подвалом: свитера, зимние куртки, ватные штаны, шапки со стразами. На улице жара, но в подвале все это придется надеть. Холодно, воздух кажется липким от сырости и грибка, к утру волосы становятся влажными и пахнут тинной.

К 11 жизнь в убежище замирает, все заползают в коконы одеял, накрываются с головой, чтобы не слышать разрывы. В полночь в подвале слышен только голос Ольги Скобеевой — на «России 1» «Вести». Там обсуждают Донбасс, но здесь все уже спят, смотрим только мы с Аллой.

«Как вы думаете, можно ли нормализовать ситуацию на юго-востоке Украины, если вы просите у НАТО летальное оружие? — Скобеева в алом платье насаждает на украинского политолога. — Люди на Донбассе — они что думают? Им это как?» «Я думаю, люди на Донбассе заняты своей жизнью и им это не интересно», — отвечает тот.

— Вот *** (суки), — говорит Алла. — *** *** (надоели совсем).

«Наблюдатели ОБСЕ — кадровые офицеры западных военных разведок», — нагнетает напряжение Скобеева. Дальше — что-то про натовские спецслужбы. Все в студии орут.

— Бардак, *** — вздыхает Алла, переворачивается на другой бок. Обстрелы снаружи стихают.

...Просыпаемся в пять. С утра нужно покормить скотину, поработать на огороде — и на работу, у кого еще есть.

К шести на соседних партах виднеются только белые вихрастые макушки Аллиных внуков. Даня разметался, закинув за голову руку, Саша свернулся клубком.

По ту и

Красногоровка (под контролем вооруженных сил Украины). Убежище

— Когда света не было, я при фонарике в подвал бегала. Один раз «Град» пустили, всё трусится, бегу в темноте с четвертого этажа в подвал, кричу: «Ёперный театр! Итить твою мать!» И нормально, не ударялась. Вам, конечно, непривычно...

Путь в подвал — люк, крутые ступени, узкий лаз между какими-то трубами — между ними мы ползем. Сыро, холодно, сильная вонь — на ночь жительница Красногоровки Алла забирает с собой четырех собак. В подвале Алла ночует одна. Остальные жители дома № 7 на улице Солнечный микрорайон уже уехали или ночуют у родственников. Или умерли.

Для себя Алла обустроила дальний угол подвала: стена из досок и непромокаемой пленки, ковер на стенке, тахта. Лампочка, букет искусственных цветов. В центре — телевизор. Алла нажимает кнопку, и на Первом канале появляется лицо Путина.

— Вот ты ж ***! — победно кричит Алла, поворачивается к фотографу. — Да вы снимите, снимите его!

В Красногоровке Алла — одна из немногих, кто не хочет, чтобы пришла ДНР.

Город Красногоровка Марьинского района (около трех тысяч жителей сейчас, 16 тысяч раньше) — «серая зона» на самой линии соприкосновения в трех километрах от Старомихайловки, пригорода Донецка.

Спустя почти полтора года после конца войны обстрелы здесь продолжают «каждую ночь без передыху», во время прихода гуманитарных конвоев и саммитов в Минске — даже днем.

Алла ведет нас между разбомбленных, обугленных зданий, показывает последние прилеты снарядов, рассказывает, что в квартале живет 57 семей — если кого-то из них не убило. Солнечно, жарко, воронки в асфальте заросли клевером, пахнет гарью и свежей травой. Минометов не слышно, только отдельные автоматные выстрелы.

Спрашиваю, с какой стороны границы в прошлую ночь обстреляли дом.

— Тут километров с двух прилетело, удар был слабый. Если б с 800 метров лупануло, весь подъезд бы посыпался. Значит, это отсюда, с ДНР.

— А нам говорили, что стреляли свои.

Алла резко останавливается, распрямляется: лет 60, острые черты лица, всклокоченные седые волосы, пестрый халат. Отчеканивает:

— Я не знаю вашу позицию. Моя позиция — Украина. Но 80% населения зомбированные. Они рассказывают, что снаряд летит, разворачивается и летит обратно.

— Тогда почему окна в доме разбиты с двух сторон, если стреляют только с ДНР?

— Так это снаряд с одной стороны летел, а взрывной волной обе стороны разбило. Это волны тут идут, девочки, такие волны...

Спрашиваю, как будут уживаться здесь люди — когда-нибудь, когда кончится война. Алла говорит, что не знает: каждый раз, когда кто-то говорит о политике, «заканчивается все мордобитием». Пока она надеется, что люди сюда не вернуться.

В отличие от верящих в приметы соседей, жителей Гольмовского, осколки снарядов Алла не собирает: «Путину на надгробную плиту».

Разбомбленная квартира
в доме № 7

Солнечный
микрорайон

Алла в подвале

эту сторону

Дом Вани после обстрела

Докучаевск (под контролем ДНР). 30 снарядов

Дома Вани и Наташи накрыло две недели назад. Снаряд влетел в фундамент Ваниного дома, посек осколками стену, выбил окна в доме Наташи напротив. Теперь окна заделаны картоном, в малиннике валяются осколки, а нервы у всех на пределе: Ваня увез семью из города, Наташа ночует в бомбоубежище, построенном в городе на случай атомной войны.

— Мы вчетвером там прошлую ночь сидели, у остальных подвалы есть, — полная Наташа в леопардовой блузке бежит по улице, словно перекачивается. — А я непривычная, только с России вернулась, полтора года в Самаре жила. Девоньки, милые, благодарите бога, что вы в России, что у вас есть Путин и нет войны. Здесь кусок хлеба приносят по гуманитарке, а вы его просто так кушаете. У вас были 90-е, но

не было, как здесь, где брат брата убивает. Такого, как Путин, поискать надо.

Пока не начали стрелять, Наташа ведет нас смотреть разрушения. Вот посеченные осколками дома на Валовой и Щорса; вот разбитая в конце июня газовая труба на Ленина, 72; вот гаражи, около которых на днях ранило мужчину — шел пешком домой на Полевую и получил осколок в бедро и ногу; вот обстрелянный неделю назад дом на улице Туманяна: очень красивая женщина в длинном белом платье выносит нам осколок снаряда: «Видите — противотанковая ракета», — улыбается грустно и нежно.

Люде (имя изменено. — Е. Р.) повезло: ее дом цел, только пару недель назад в стену влетела пуля.

— Вот она, вот, — Люда на взводе, показывает черную пулю на белой стенке, срысывается на крик. — Сфотографируйте, как нас тут защищают.

— По касательной шла, гляньте, — рассматривает пулю Наташа. — Как Украина стреляет!

— По касательной! И по спальне, и по кухне, и по забору. Только я не знаю, как Украина стреляет. Это пуля с автомата. Он бьет несколько сотен метров. Вон с того бугру стреляют. А кто там стоит?

— Це ж наши? — удивляется Наташа.

— Наши, да. Пришли, поставили возле ЖДЦ (железнодорожный цех *Докучаевского комбината*. — Е. Р.) пять минометов и лупили так, что дом подпрыгивал. Люди выскакивают, кричат, они говорят: пошли вон, у нас приказ. «Закройте рот, укропы». Бухают везде на пустырях. Защитники наши. Седня у них тихо, у них выходной. Ходят по городу, кушают, пьют. С понедельника или ночью, может, опять начнут. В Москве думают, нас тут защищают хорошо. Не дай бог им оказаться в на-

шей шкуре. Зато бюджетников регулярно заставляют на митинги идти. Обстреляли дом — идите на митинг, чтоб не обстреливала Украина. Я за то, чтобы никто не обстреливал — ни Украина, ни Россия.

— Но то ж могут быть диверсанты, — вмешивается Наташа.

— Какие диверсанты?! Кто сюда их пустит, когда эти, «защитники», со всех сторон? Сказки не рассказывай. Остохренело. Они говорят: «Наша граница — вся Донецкая область». Если такие смелые — че они дальше не идут? Че застряли и стреляют с наших дворов?

— Им Донбасс нужен, этим укропам. Вот и не уходят, — невпопад замечает Наташа.

— А он чей, тот Донбасс? — усмехается Люда, — У тебя в паспорте что написано?

— Украина.

— Ну и все!

— Так Порошенко говорил: нам люди не нужны. Нам нужна территория.

— Ой, замолчи! А сейчас у нас что, не территория? Город — мертвый. Ничего не работает. Комбинат стоит третий год, скоро будут на металл резать.

— Уже режут.

— Кто режет? Кто вывозит?

— Ну... — задумывается Наташа, и вдруг понимает: — Наши. Ох, господи...

— Гуманитарку обрезают. Пенсии две тысячи рублей. Можно жить на эти деньги? Раньше здесь было все: храм, бассейн, зоопарк. Артисты приезжали, такие были концерты, салюты. А сейчас слушаем салюты: с какой стороны будет самоходка лупить.

— Я еще думала — как-то близко стреляют. А мне говорили: нет, это укропы, — задумчиво говорит Наташа. — Я разговаривала недавно с дээнэровцами. «Ребята, долго это будет продолжаться?» — «Мы не знаем. Мы бы их прогнали, но команды нет стрелять». Вот они что говорят.

Люда внезапно успокаивается. Спокойно и ясно говорит:

— Команды не было, а самоходка лупила всю ночь. 30 снарядов. Слава богу, с той стороны ответку не дали, пепел бы один от города был.

Наташа вздыхает, ерзает, молчит. В следующем доме, куда она нас приведет, она робко скажет: «А ведь стреляли, видать, наши».

Красногоровка (под контролем ВСУ). «Мой отец погиб на войне»

У дверей первых подъездов дома № 7 улицы Солнечный микрорайон — аккуратные розовые граффити: утенок и львенок. Лебедь из автомобильной покрышки, велосипед у стены. Чуть дальше — самодельная кухня: в 2014—2015-м, когда не было воды и света, здесь готовили еду.

Мирная жизнь заканчивается сразу за кухней. Вместо входа в последний подъезд — закопченный провал. Пол первого этажа провалился, в подвале видны попадавшие вниз шкафы и диваны. На груде пепла и мусора — холеная серая кошка. Четыре дня назад снаряд прилетел в квартиру ее хозяйки Елены Доценко. Женщину увезли в больницу и ампутировали пятую кость, а кошка так и сидит. Позже мы заедем к Елене в больницу, и она без эмоций расскажет, как пряталась от взрывной волны в коридоре, в темноте выбралась из-под завала... Когда я упомяну кошку, начнет рыдать.

На этой неделе снаряды прилетели в дом № 7 дважды, последний раз — этой ночью. Взрывом нутро квартир выбросило наружу: из черного закопченного окна

свешивается карниз с занавеской, на дереве напротив застрял матрас. В обугленном мусоре возятся четверо щенков.

— Шесть тысяч только на балкон, понимаешь?! Шесть тысяч гривен! Все на *** пропало.

Лена стоит под балконом: лет 25, клетчатая рубашка, джинсы. Вместо балкона — обугленная дыра: прямое попадание с миномета. Муж Лены Леша с приятелем выносят из дома все, что осталось целым: холодильник, бойлер, плюшевые игрушки.

Лена стоит не двигаясь. Замечает фотграфу, кричит:

— Не снимай меня! Это ничего не изменит. Все знают про нас, всем наплевать. Я уже всюду писала, ходила... Ты знаешь, как на две тыщи гривен двух детей содержать? Ты даже не поймешь.

Садится на корточках, опускает лицо, молчит. Рядом останавливается щенок, зарывается мордой в мусор, грызет что-то, давясь и урча. Лена поднимает руку, проводит по спине щенка. Вздрагивает плечами.

Мужчины молча проносят мимо унитаза, обвязывают тряпкой, грузят на крышу «Жигулей».

Лена успокаивается. Садится на бортик разбитой, заросшей травой песочницы. Облупившийся вишневым лаком на ногтях, сигарета в пальцах. Яркие детские качели и турники рядом не пострадали в обстрелах и кажутся декорацией. Цветет жасмин, осыпается на разбитый асфальт.

— Гуманитарку два месяца уже не дают... Гуманитарка — это знаешь как? — Лена рассказывает, словно сказку. — Зимой выходишь в шесть утра. Холодно, темно, бахает... Дойдешь, запишешься в очередь, отстоишь. Все орут друг на друга, кидаются. Те, кто выдает, тоже орут. Если повезет, получишь к 12. А бывает, что нет...

До войны Лена делала на заводе аппликаторы — «ежики собирала», Леша работал водителем в супермаркете. Завод закрылся, супермаркет разбомблен. Семья живет на детские пособия, две тысячи гривен (5000 рублей) на пятерых.

— Ты жила на 2000? Это война не за людей. Это война за отмыв денег. Не наша война, — говорит Лена.

Выбрасывает сигарету, садится в машину, сажает на колени большого, не тронутого копытю плюшевого зайца. Уже из машины кидает:

— Эта война забрала моего отца.

— За кого он воевал?

— Это не важно, — жестко и строго говорит Лена. — Мой отец погиб на войне.

Уезжают.

По ту и

Горловка (под контролем ДНР). Сергей, 55 лет

Сергея убило 27 июня. Бахать в Горловке начали в полночь, снаряды ложились вокруг дома на Калужской, 40 кучно. Первым под обстрел попал пустующий дом выше по улице. Последний, десятый снаряд влетел в дом Сергея.

— Угол дому снесло, а там кровать его стояла. Прямое попадание в кровать.

Соседи Сергея, Толик и Оксана, уцелели чудом: осколки влетели к ним в кухню, вышибли стекла. «Я к стенке прижался, подальше от окон. Оксанка вообще была под кроватью на полу. Мы обычно на ночь ходили до Федоровны, у нее трехъярусный погреб. А тут бдительность потеряли...»

В 2.10 ночи вызвали «скорую», там ответили: «Под обстрелами не выезжаем». Родные Сергея потом сказали, что шансов спасти его не было: раздроблен таз, пробито легкое, остальное — в осколках. Милиция сказала, стреляли с Дзержинска (Тореска), 120-ми снарядами.

Сергею было 55. Больной туберкулезом, одинокий. «Друзья к нему приходили, но такие же, как он». Подрабатывал где придется, «индусил» (таксовал), «деньги были — выпивал, денег не было — не выпивал».

Сейчас дыра в стене дома заложена кусками шифера, драным матрасом. Внутри — какая-то невозможная, гнетущая нищета. Побуревшие обои, мебель 60-х, горка круп с наклейкой

фонда Рината Ахметова, выцветшая открытка «Папе!», Библия. Все накрыто густым слоем пыли от взрыва. На полу — лежащий обратной стороной плакат. Переворачиваю — и вижу икону с Христом.

Соседи Сергея не любили. Когда Толик и Оксана бежали от обстрелов, Сергей вытащил из их дома все до последнего одеяла, а нутрию съел.

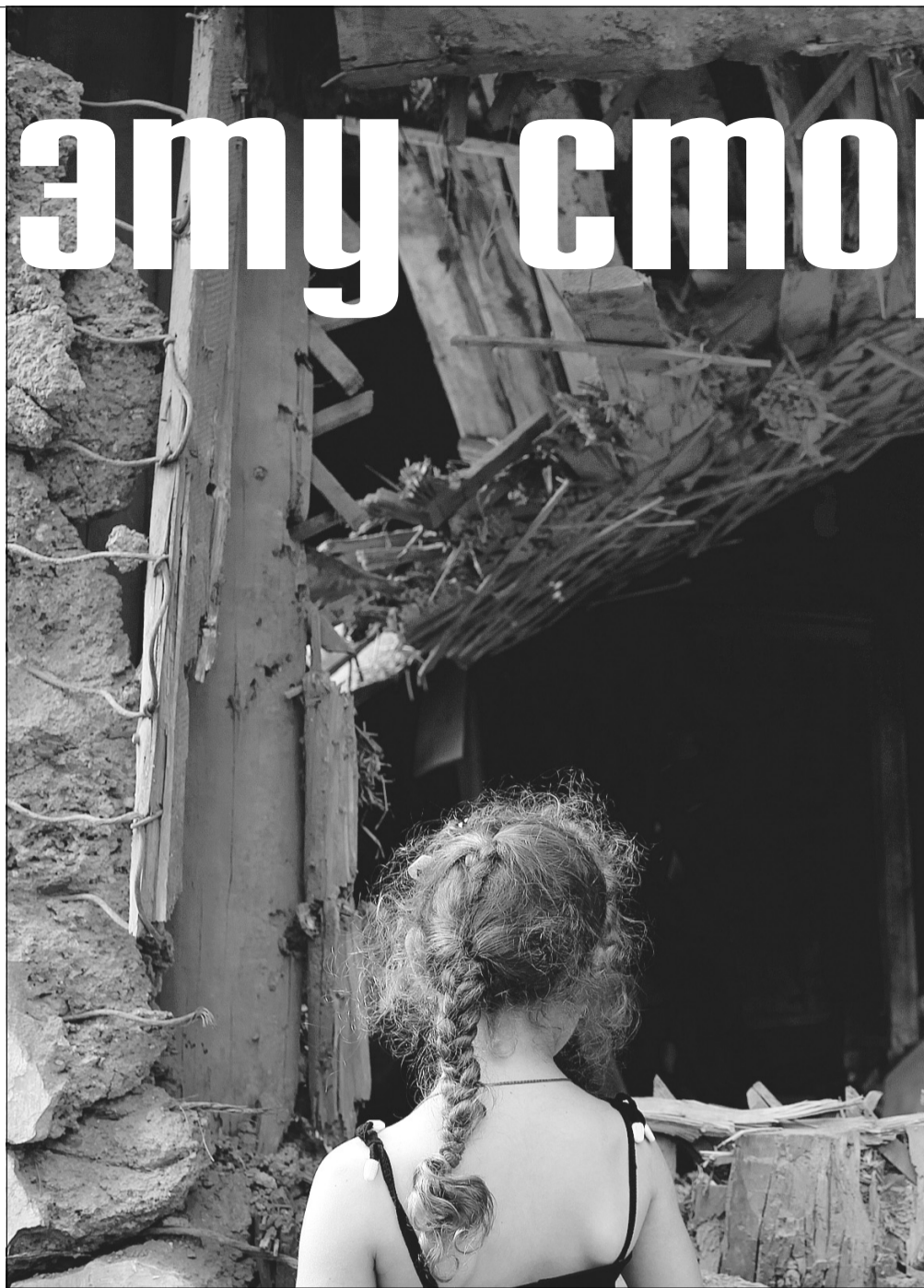
Теперь нутрий опять много. Они живут в вольере на руинах дома Оксаны и Толика — его разбомбило год назад. Нутрий растят на мясо и шерсть, любимую зовут Эшка, ее кормят яблоком. Под полом вольера нутрии прокопали собственный подвал и прячутся там, как только слышат бомбежку.

Толик долго рассказывает, как разбомбило их дом, как унижительно было жить в центре беженцев в Мариуполе, как сложно было получить группу инвалидности для Оксаны, как до сих пор не привыкли спать под обстрелами и выживать на Толину пенсию.

— Одно плохо, — говорит Оксана. — В морозы у нутрий хвост отмораживается и отваливается. Как потом шкуру продать?..

Позже другие жители Горловки одобрительно расскажут нам, что в ту ночь военные ДНР привезли орудия на поляну недалеко от дома Сергея, «дали украм просраться, так что земля дрожала», и уехали. В полвторого в дом Сергея попала ответка.

эту сто

Город Артемов (под контролем ВСУ). Нина Серафимовна, 84 года

— Мама все время говорила: хочу своей смертью умереть, не хочу, чтобы меня убило. В ту ночь не спала, наверное. Лежала, слушала взрывы. Она 1932 года, в ту войну еле выжила. Вот тут ее кровать стояла, в верандочке. Кровать, печка, столик. Ей тепленько... Сюда снаряд и прилетел.

Валя стоит у дома, где два дня назад убило ее мать. Снаряд прилетел в дом № 6 по Горняцкой улице города Артемово (теперь — Железное) в ночь на 13 июня. Как позже заявила прокуратура Краматорска, стреляли со стороны Горловки (ее крайние дома — в двух километрах от окраины Артемово) из САУ калибра 152 мм. Военный получил осколочное ранение, мирная жительница погибла. Нина Серафимовна Станкевич, 84 года.

От веранды Нины Серафимовны осталась одна стенка с обгорелой оконной рамой. За окном — металлическая спинка кровати — на ней Нина Серафимовна наверняка держала горку подушек — и много обугленного мусора. По словам Валентины, обстрелы мать всегда пересидывала в хате. В подвал спустилась всего один раз, когда били «Грады», вышла с воспалением легких — и больше не лазила. Хоронили Нину Серафимовну в закрытом гробу.

— Прямое попадание, сами поймите. Да что там той бабушки, 40 килограмм...

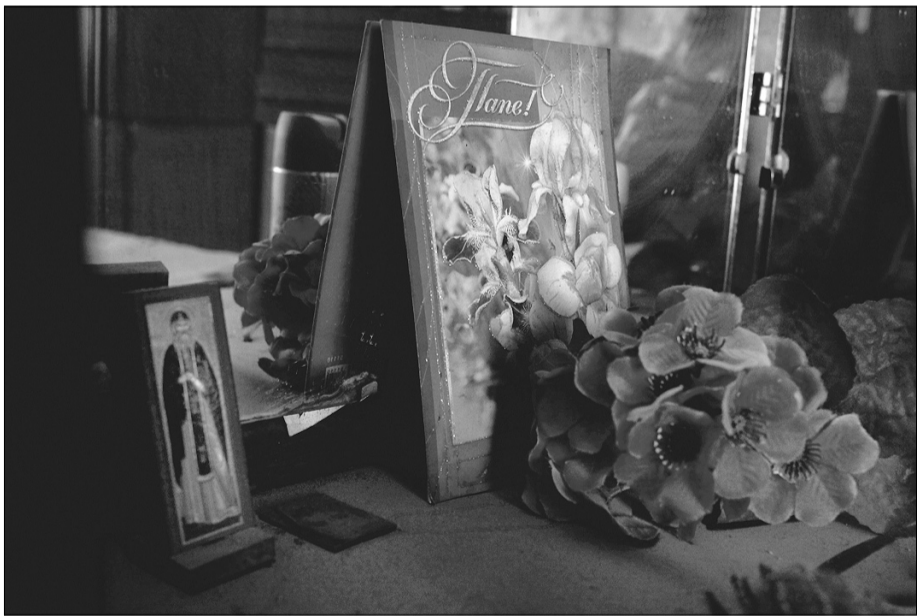
Валя стоит у ворот, тербит ветку вишни. Ее маленькая внучка с русой

косой и в комбинезоне в розах бродит по руинам, поднимает то облупившуюся миску, то погнутый прут, со скукой бросает.

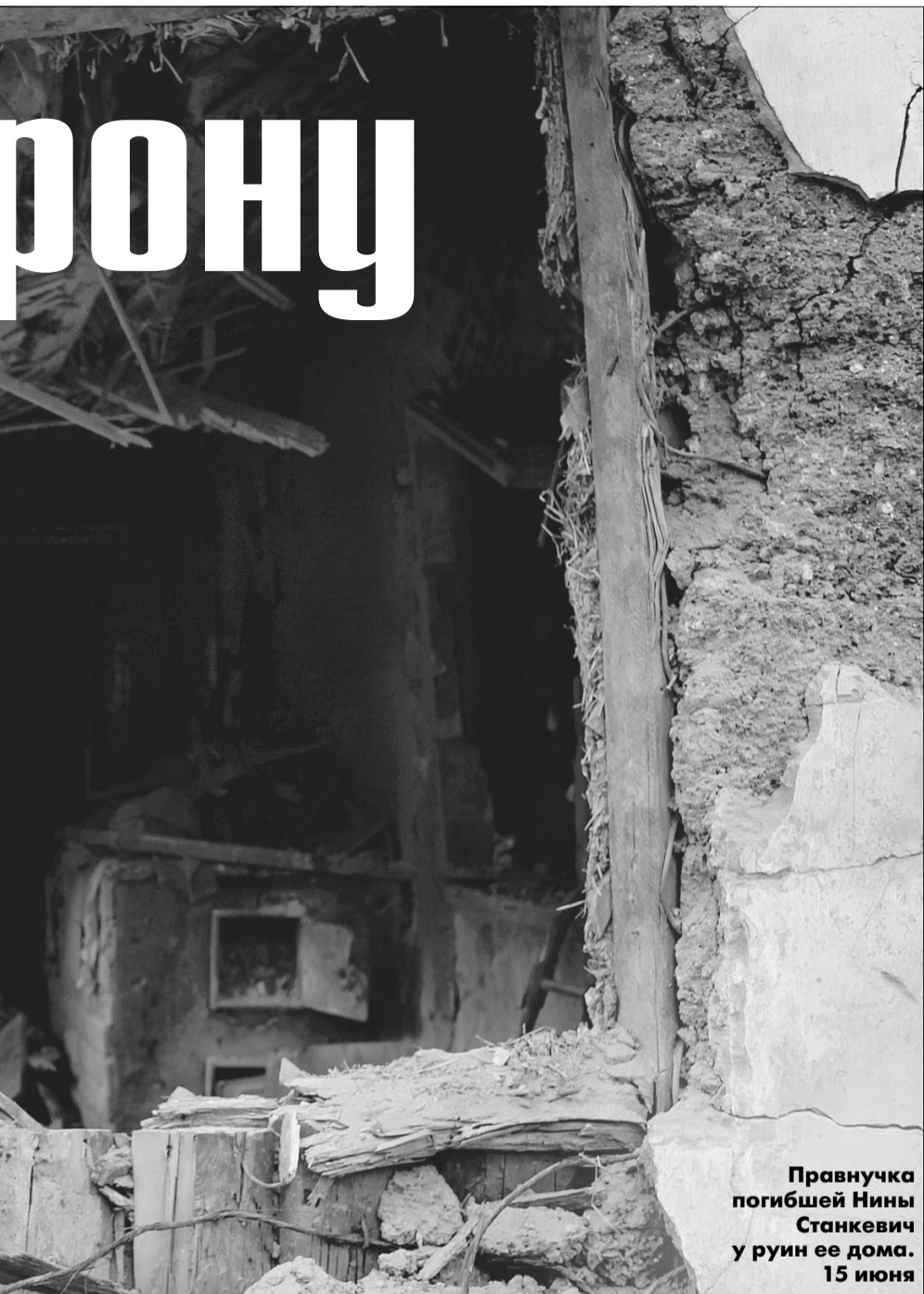
В ту ночь, говорит Валя, стрелять начала Украина. ДНР ответила. Обстрел шел всю ночь, «нет такой улицы, чтобы не попало». Приехавших утром военных встретили целым митингом. Как вспоминают соседи, жители расстрелянного города бросались на людей в форме, кричали: «Что вы сюда приперлись? Без вас ничего бы не было».

Спрашиваю Валю, важно ли ей, кто виноват в смерти мамы: Украина или ДНР. «А шо это делает? Кому поможет? — отмахивается она. — Это правительство виновато... Сейчас у всех — одно горе. Все ждут, что они договорятся. Как можно не договориться?»

На голоса выходят соседи, собираются у калитки, дергают кислую еще вишню, жалуются, что стреляют с обеих сторон, обсуждают политику. Все сходится на том, что запад Украины всегда враждовал с востоком, а теперь пришел его убивать, и что Донбасс расплачивается перед Украиной за отнятый Крым, который все равно уже не вернут. Кто-то говорит, что ждет ДНР, другие — что пусть уже придет кто угодно: «хоть какие-нибудь румыны придут и нами командуют, чем наши придурки». То же самое мы услышим по другую сторону фронта — как будто и не разделила людей эта война.

РОНУ

Правнучка
погибшей Нины
Станкевич
у руин ее дома.
15 июня

Бывшие ополченцы (территория под контролем ДНР)

— В от статья про меня в газете «Новости Чувашии». Могу показать вам себя на укропской странице: «Русский оккупант». Я хотел им написать: ну какой же я русский оккупант? У меня две родины. Одна — Советский Союз — научила стрелять и убивать, а вторую я защищаю теперь...

Для Славы (*имя изменено. — Е. Р.*) война в Донбассе — четвертая: Афган, Чечня, Карабах. Спрашиваем, на чьей стороне воевал в Карабахе. Удивляется:

— На нашей. На той, где приказ.
— Идти на Донбасс приказа не давали.
— Донбасс — это другое. Это дом.

Последние годы Слава жил в России, но с началом войны рванул в Донецк, где родился. Воевал, управлял отрядом. Стал известен. Ушел. Говорит, что ополчения уже не осталось — в армию ДНР ушло разве что процентов 10: «Мы умеем воевать, а не служить». Остальные — малолетки, служат ради денег.

Матерясь и ворча, Слава рассказывает про передел собственности и отжимы, что был командиром не хуже Моторолы — «просто Мотороле камеру на лоб прицепили, он бегал с ней, как придурок»; что «ночью эти суки опять могут с Дебальцева диверсионки свои натянуть». По третьему разу показывает в «Одноклассниках» фото боев. Выходит в скайп, звонит другим ополченцам — на экране появляются такие же взрослые, усталые мужики. Сейчас они в России. Зарабатывают, прячутся от своих же — и ждут. «Все ждут войны, кто жив остался. Кинь клич — сразу 200 тысяч поднимется».

Мы сидим в Славиной комнате. На стенке вместо ковра — флаг Новороссии, на спинке дивана — плюшевые зайцы и

куклы, в кресле аккуратно разложен китель с медалями и нашивками из георгиевских ленточек.

— Что, опять «Доширак» весь съел? До обеда?! — ворчит жена Славы Тая. — Он без меня ничего не ел бы, кроме своего «Доширака»...

Позже она потихоньку расскажет нам, что когда Славу, даже трезвого, особенно кроет, он принимает ее за «укроповскую наводчицу» и обещает сдать в МГБ. Тая не обижается: привыкла.

Бывшие ополченцы (территория под контролем ВСУ)

— В СИЗО били? Коля (*имя изменено. — Е. Р.*) поднял на меня глаза. 53 года, на вид старше. Худой, жилистый, в грязной майке и пластиковые шлепанцах, подвыпивший, внешне — обычный деревенский алкаш.

— Били? — усмехнулся — Оно тебе надо? Били, не били... Целовали!

В подконтрольном Украине Донбассе бывших ополченцев мы встретили трех. Специально не искали — про всех рассказали соседи. Про Коло: мол, был в ополчении, стоял на постах, вернулся. Живой. Ходит по улицам, не боится.

На самом деле Коля боялся. Курил одну за другой, несколько раз просил показать наши российские паспорта, не верил, что мы не из СБУ: «После этой фигни я даже матери не поверю».

К ополчению Коля присоединился, как только его родной город Артемово заняла ДНР. Когда ополченцев вытеснили в Горловку, не ушел. Жена, дети, да и просто страшно и некуда было идти.

Год Коля провел дома, затем СБУ вспомнила о нем и забрала в Харьков, в СИЗО.

— Срок — от 10 до 15. Захват зданий, оружия... Хотя в городе у нас ни один человек не погиб, ничего не захватывали, оружие — палки с дерева. Зато мы держали порядок. Когда взяли все в свои руки, не стало наркоманов, хулиганов — их вылавливали, и пфф-ф-ф... Все было хорошо...

Два месяца Коля сидел в СИЗО. Затем статью заменили на более мягкую: «От пяти до восьми. Суд был. Выпустил. Это жена подсуетилась», — делает жест шепотью руки: деньги.

Не раскаивается, что воевал, жалеет только, что не уехал. Конца войны не ждет.

— Когда она пройдет, я уже схохну. Я старый, в шахте работал всю жизнь, ноги поломал, инвалид... Я живу одним днем.

Соседи Колю не трогают («Куда им, в городе 70% сепаратистов»). А вот за Витей и Игорем (*имена изменены. — Е. Р.*) пришли.

60-летние шахтеры из поселка Золотое, в ополчение они пошли первыми: «Чисто собрались хлопцы, кто с ружьем, кто с вилами, кто с кулаком».

Воевать шли, словно по Трудовому кодексу: составили списки ополченцев, подали на шахту, чтобы не считались прогулами. После прихода украинской армии все списки попали в СБУ. Тех, кто остался в Золотом, арестовали.

— Ребрышки считали. Из домов забирали, что можно было материального забрать, — говорит Витя, глядит в пол. — Уродных деньги требовали. Был один такой Олег. Жена его деньги недели через две набрала. В тот же вечер его привезли к ней к подъезду, выгрузили и уехали. Недели две он очухивался.

Вите повезло. Когда пришли за ним, его не было дома. Ждать, пока придут снова, он не стал: уехал в Россию, работал в Подольске. Теперь вернулся. «Сейчас пальцем все тыкают: сепар, сепар... Это ничего, не влияет на жизнь. Тех, кто за ДНР, тут все равно большинство. Но и те, кто в вышиванках, понимают, что линия разграничения рядом, и у них тоже трясутся поджилки, что наши придут».

Другу Вити Игорю повезло меньше. Как он утверждает, его избил член «Правого сектора» (запрещенная в России организация): «Внук видел, как дед лежал избитым. Но даже не это плохо, а что он в школе говорит: Украина плохая, Россия хорошая. А что нам, при детях не разговаривать? Русское телевидение не включать? Украинскую пропаганду неделю посмотришь — совсем дурак делаешься».

— На русском, значит, нет пропаганды? — спрашиваем.

— Ну, без пропаганды нельзя никуда... Но я русским верю, — как-то беспомощно говорит Игорь.

Взгляды на войну оба не изменили: рассказывают про зверства украинской армии, убитых младенцев и заговор Госдепа. В будущее ДНР верят: «Там наводят порядок. Тут становится каждый день хуже. Там — лучше». Но воевать не собираются.

Мы сидим на террасе Витино дома с пасекой во дворе. Вдруг он спохватывается: «Рой пчел выходит». Мы выскакиваем наружу и видим, как в воздухе повисает черное гудящее облако. Вышедшие из старого, тесного улья, пчелы зигзагами носятся в воздухе, разыскивая новый.

— Чисто как на Майдане, — сплевывает Витя.

СТРАНИЦА 14 ⇨

Осколки снарядов каждый день прилетают в огороды и дома людей по обе стороны фронта

**Донецк
(под
контролем
ДНР).
Чужое**

Кировский район — окраина Донецка. До ближайших украинских позиций в Красногоровке отсюда меньше 10 километров. Последнее попадание случилось 24 июня. Первый снаряд угодил в гаражи на улице Бирюзова, второй пробил крышу десятиэтажки № 61. Жители квартиры, беременная 20-летняя Женя Бичурина и ее бабушка, не пострадали. Правда, теперь вместо потолка у них двухметровая дырка, через которую свободно льются июльские дожди.

Третий снаряд разбил крыльцо и выбил двери детской поликлиники, последний угодил в фундамент хрущевки на Бирюзова, 30, разбил три квартиры на первом этаже.

Квартира Елены Савельевны Левченко — на пятом, но пострадала тоже. Из квартиры Левченко выбежать не пыталась: она почти не ходит.

— У меня бессонница, два года не сплю. 24-го в час ночи слышу — тихонечко раз ударили, потом два, три, — говорит Елена Савельевна. — А потом прямо в стекла. Я забила за шифоньером в угол. А стекла летят, трещит все, ой! Все соседи на улице звонят мне: «Как ты там? Живая?» Говорю: живая, но такой стресс, такой стресс, что ужас.

Соседи вынести Левченко не пытались: «Они говорят: ты упадешь, поломаешься, а мы будем виноваты. Чужое горе есть чужое горе».

Елена Савельевна проводит нас в очень чистую, очень пустую гостиную, садится в плюшевое кресло: ноги согнуты под неестественным углом, правая перевязана тряпочкой. Говорит на очень правильном, старомодном русском языке, показывает всю Библиотеку всемирной литературы на полке: «Мы с мужем в отпуск не поехали, а ее купили. Хотя

я сама больше книги про войну люблю: Полевой, Симонов...»

Болезнь Левченко называется коксартроз: «Крошится кость ног. В 10-м году у меня умер муж, 56 лет прожили. Сегодня похоронили — а завтра я уже не могла встать».

Елена Савельевна — детский логопед. Два высших образования. «Ну и толку с того? — говорит она. — Содрала ковер — продала, было немножко хрусталия — продала. Что можно на эту пенсию купить? Одна «Лошадиная гель» — полторы тысячи, хватает ее на неделю. Без нее боли страшные. Пенсия — 2400 рублей. 500 надо за квартиру отдать. Я сижу — стыдно признаться — на гуманитарке. На кашах этих. Я на них уже смотреть не могу. Если б молочка, масличка, сахара в них — они бы шли. А на воде — ну что это за еда...»

Детей у Елены Савельевны двое. Сын живет в Питере, работает на атомной станции, «а у дочери жизнь не сложилась». Недавно сын позвонил, сказал, что приехать пока не может: работа.

— Я не требую этого от детей, не требую, — говорит очень взволнованно, вздрагивает всем телом — только ноги не движутся. — Я виновата перед сыном. Когда война началась, он приехал: «Мам, собирайся, я тебя заберу». Я отказалась. Ну как я оставлю квартиру, детям ничего отцовского не останется. Я думала, они поймут друг друга, украинцы — и те, и эти. Сейчас пишут: «Вы террористы! Вы начали войну!» Мы ее не начинали. Киев напал на Славянск, Краматорск, пошел войной на нас. Какие мы террористы, мы хотим мира. Пусть бедно, но чтобы не убивали.

Взрывной волной в квартире снесло все цветы — восемь фиалок и немного герани. Теперь на подоконнике аккуратно стоят разбитые горшки. «Я не плачу совсем. Только над цветами поплакала».

Поселок Мироновский (под контролем ВСУ). На всю жизнь

Рак легких у Саши обнаружили в декабре 2014-го. В больницу его не взяли, сказали, бессмысленно: все равно обезболивающих там нет. Обстрелы Шашиного поселка Мироновский начались утром 22 января.

Валентина, жена Саши, сидит на краешке стула: немолодая, очень красивая, в спортивной кофте, с прямой спиной и идеально уложенными кудрявыми волосами.

Поселку Мироновский (8 тысяч жителей до войны, 6 — сейчас) не повезло: раньше он был частью Дебальцева, во время Дебальцевского котла обстреливали его каждый день. Из восьми тысяч жителей тогда осталась одна, воды и электричества не было, еды — тоже. В Валиной девятиэтажке пробило крышу, выбило стекла. Пока Саша мог ходить, они с Валей спускались в подвал дома. Туда, правда, выходила канализация, и дышать Саша почти не мог. Когда ходить он перестал, они с Валей оставались в квартире, смотрели, как едут под окнами минометы и танки. Один раз Вале удалось съездить в Артемовск, купить анальгин и димедрол. Колола сама. Зимой, когда Саша еще мог

чуть-чуть двигаться, он приходил к Вале на кухню, садился. «Колоть?» Кивал. Позже просто стучал в стенку, и Валя прибегала со шприцем. Подсчитала: больше двух тысяч уколов.

Потом Валю накрыло «Градом» — на улице, около магазина. Она поднимает руку с онемевшими пальцами: «Это на всю жизнь». Было неожиданно, громко, страшно. В больницу Валю не взяли: «Мест не было, там раненые с Дебальцева без рук, без ног».

— Когда война началась, мы в Харьков собирались, в больницу. Может, Саша бы там дольше пожил. — Валя говорит очень спокойно и без эмоций. — В апреле он умер. Не меняясь в лице, плачет.

Мы выходим во двор в темноте, под звук обстрелов. Ближайший блокпост ВСУ — в километре, войска ДНР — в пяти.

— Я не могу, когда стреляют за селом. До сих пор не могу, — говорит Валя. — Оно уже не летит, а я все жду. На ночь окна закрываю всегда, боюсь, что проснешься — и услышишь опять... Даже к психологу ходила. Но разве это поможет? Страх — он тоже на всю жизнь.

По ту и

**Донецк (под контролем ДНР).
Марс**

Скомандиром отряда Марсом (позывной изменен по его просьбе. — Е. Р.) мы встречаемся поздним вечером в ресторане в центре Донецка. С 11 начался комендантский час, город пуст, но тут до сих пор заняты столы. Здесь собираются военные — те, у кого документы на улице проверять не станут.

Марс — из Киева, ему 30. Работал милицейским юристом, был против Майдана, с началом войны приехал в Донецк. В Киеве у него осталась семья и дети: «Я сейчас не общаюсь ни с кем там, чтобы не подставлять. Я сказал им: «Я ваш враг, ваш позор, отрекайтесь от меня, это нормально». А как иначе? Я понимал, что поехал сюда, чтобы война не пришла в Киев».

Мы говорим, что много раз видели нарушение Минских соглашений и хотим знать, что думают о них военные.

В перемирие Марс не верит: «Первые два-три месяца после первых Минских были только отдельные перестрелки. Потом война снова началась по полной. Мы с самого начала понимали, что Минском ничего не закончится. Только масштабной войной. В Киеве говорят: «Когда наши хлопцы на Донбассе с сепарами решат, они придут сюда и вас, русскоязычных, вырежут». Поэтому какое там перемирие? Россия и Украина — не братские. Мы один народ, нас разделили искусственно. Те, кто нас называет «братскими», — враги. У нас нет задачи уничтожить украинцев. Наша мораль такая: мы один народ, одна кровь, вас обманули, это все искусственно, одумайтесь. У них мораль: «Вы все должны сдохнуть».

По словам Марса, он общается с военными с другой стороны линии соприкосновения. Солдаты обмениваются волнами раций, созваниваются по телефонам, находят друг друга «ВКонтакте». На экране мобильного показывает переписку со снайперами ВСУ. Они спрашивают мобильные снайперов из Донецка и просто болтают про жизнь. «Привет раша как на моей земле воюется?» «Надо или наступать и освобождать города от ополченцев и недороссии или отдать вам донбас но ви захотите ише кудато». «Ето все *** (идиотизм) и ето нужно заканчивать». Переписки выглядят настоящими.

— Многие командиры ВСУ предупреждают, если планируют обстрелять

нас, — говорит Марс. — Они не хотят, чтобы наши отвечали, не хотят воевать, но им дали приказ. Поэтому они предупреждают, что постараются бить не прицельно, не попадать на сами позиции — а наши обещают не отвечать.

Мы предполагаем, что «не попадать на позиции» означает стрелять в жилые дома, но спрашиваем про другое:

— Каким вы хотите видеть финал этой войны?

— Война закончится, когда территория Украины войдет в состав России.

— А более реалистичный план?

— Вы спросили, как я хочу. Я хочу так.

— Это гражданская война?

— Если смотреть только на эту территорию — это гражданская война. Если глобально — это война России и Запада.

эту сторону

Американцы десятилетиями учились проводить революции, перевороты, войны по всей планете. План-максимум Запада — использовать Украину как инструмент, который шею России немножечко пережет. Программа-минимум — угандонить Украину в хлам и сказать: «Россия, забирай» — чтобы она стала грузом, который будет лет 30 тянуть Россию назад.

— Перемирие кончится?

— Я думаю, укры все-таки ломанутся в наступление, и тогда у нас будет возможность перейти в контрнаступление. Но не думаю, что приказ наступать придет нам раньше, чем они это сделают.

Марс рассказывает, как много бывших ополченцев уехало: сначала — потому что ушел Стрелков и исчезла идеология войны, потом — потому что не дают воевать.

...Около 11 Марсу приходит сообщение об обстрелах в Куйбышевском районе Донецка. На улице Степаненко снаряд попал в жилой дом и автобус, ранены трое мирных жителей. На соседних улицах осколками повреждены жилые дома, магазин и кафе. Мы просим отвезти нас туда, но Марс отказывается: слишком опасно. Чуть позже сообщают, что ранения у жителей серьезные, их увезли в травматологию (мы найдем там одного из них на следующий день с осколочными ранениями спины и внутренних органов). «Укры долбят сегодня славно», — говорит Марс. Заказывает еще чаю.

Мы спрашиваем, почему он спокоен.

— Если относиться к убийству философски... — говорит Марс.

— Философски?

— Да. На войне человек или труп, или в психушке, или он псих не в психушке. Других вариантов нет. Я знаю многих, кто лечится в Крыму в психиатрической больнице, у которых жесткие приступы паники, паранойи. Но если ты найдешь логическое обоснование того, что ты делаешь, что ты убиваешь врага, что это

не человек, это тварь и правда на твоей стороне — ты станешь относиться к этому философски. И сохранишь в себе человеческие качества. Я же не убиваю пленных, не убиваю мирных. Вот если мимо пацанчик какой-то на велосипеде едет...

Мы вспоминаем, как в 15 километрах отсюда, в Авдеевке, навещали в больнице 11-летнего Саню Сечевого, которого ранило пулей, когда он ехал на велосипеде за семечками.

— А кто убивает пацанчиков?

— Я не знаю. Я бы убил того, кто это сделал.

— Допустим, вы договорились с ВСУ, что они стреляют мимо ваших позиций, — а там едет на велосипеде пацанчик.

— Хорошо, чисто теоретически я допускаю. Я знаю, что такое бывает, но это война. Есть понятие крайней необходимости. Когда стоит батарея, которая уничтожит сотню человек и которую надо убрать, зацепив, возможно, трех пацанчиков, я думаю, нужно на это пойти.

— Вы говорите про разовый случай. У вас это происходит полгода.

— Хорошо, мы не будем убирать батареи ради пацанчиков и будем наблюдать, как батареи убивают десятки людей. Вы рассуждаете с точки зрения гражданских лиц. Есть конкретные пункты боевого устава: если разведывательно-диверсионная группа, находясь на боевом задании, подвергнется риску обнаружения местным жителем, например пацанчиком на велосипеде (который может сообщить о группе противнику), они обязаны его ликвидировать. Иначе они нарушат устав. Слава богу, у меня не было в практике выбора, убить ли пацанчика. Я не знаю, как бы я поступил. Думаю, я бы поступил правильно.

Авдеевка (под контролем ВСУ). Санта

— В «Аут» ужинать не пойдем, там одни сепары.

С командиром добровольцев бывшего «Правого сектора» Сантой мы встречаемся в Авдеевке. Бывший спутник Донецка, город обстреливается каждую ночь: от центра города всего километров 10 до Донецкого аэропорта. Отряд Санты стоит на передовой за городом, контролирует самый край — солдаты ВСУ говорят нам о Санте с гордостью и уважением.

Санта везет нас в ресторан за город. Занимает отдельную кабинку, прикрывает дверь. Автомат складывает в утку, рацию кладет на стол.

Чуб, именная футболка с вышивкой Santa, на руке — тагуировка меча с надписью: «Бог. Родина (семья. — Е. Р.). Украина». В армии не служил. Из Киева, по образованию историк, работал журналистом, писал детские книги, работал волонтером в детских домах. 42 года, пятеро детей. Добровольцем пошел с начала войны: «Знакомые волонтеры завезли в Пески. Высадили, сказали: «Извини, Пески в окружении, дальше добираться сам». Я добрался. Когда меня поймали оуновцы, первый вопрос был: «Ты самоубийца?» Вокруг все летит, горит, а я с баулами, в бронежилете, в каске, мокрый...» Смеется.

Спрашиваем про перемирие.

— Минские соглашения — бред, — с ходу соглашается Санта. — Люди, которые являются врагами Украины, договариваются от ее имени. Скажите мне, вы же любите Россию? Это естественно, природно, вы там родились, там у вас дед с бабкой... ши, матрешки и гармонь... Вы у себя в России договариваетесь с террористами? Ни одна страна в мире не ведет переговоров с террористами. А почему мы должны отдавать свою территорию непонятно кому? Завтра Китай *** (долбанет) вас по Уралу. И что, чтобы сохранить жизнь своих граждан, вы скажете — давайте сделаем там Пхеньянские области?

— Украина стреляет во время перемирия.

— Ну, стреляет. И я стрелял. Всякое бывает. Была ситуация, когда нам показали видео парада пленных в Донецке. После этого мы стреляли максимальной наводкой на Донецк, просто на город. Это были злость, ненависть, отчаяние.

— Если перемирие не работает, как может закончиться эта война?

— Украина должна вернуться к своим изначальным географическим границам.

— А вариант оставить нынешнюю линию соприкосновения?

— Меня он не устраивает. Меня лично. Крым, потом Донбасс... Давайте еще чего-нибудь отберем. Черниговскую и Сумскую области, выход к Крыму...

— Эта гражданская война?

— Если и гражданская, то спонсируется извне. Все прекрасно понимают, почему она началась. Даже не с Майдана. Это были далеко идущие планы российских кагэбистов, кото-

рые в каждое правительство, в каждое наше министерство обороны засовывали своих людей. Кто-то хочет рвануть кусок твоей территории и показать, какой он гегемон. Мне даже кажется больше. Я, конечно, извиняюсь, это будет немножко обидно, но это война цивилизации против варваров.

— Перемирие закончится?

— Я знаю, что будет продвижение по-любому. Либо туда (в ДНР. — Е. Р.), либо обратно. Меня больше волнует, что мы все рефлексируем, ждем какое-то действие и придумываем противодействие. Вместо того чтобы, когда видим в Донецке бронетехнику, взять и влупить туда. А не ждать, пока она приедет к нам.

Мы рассказываем Санте про разрушенные дома и раненых мирных жителей вдоль всей линии фронта — всюду, каждый день. Про нищих стариков в разбитых домах, про бабушек, которым снаряды прилетают в кровать.

— Мы у себя на передовой местных бабушек-дедушек постоянно кормим, — говорит Санта. — Мины ложатся, а ты ползешь к бабушке занести что-нибудь поесть. Но понимаешь, что потом эта бабушка выйдет, ляжет под наши танки и скажет: «Нет, вы дальше не пойдете, потому что дальше Путичка». Ты ей говоришь, что раньше было плохо, а она тебе: «Да, нас убивали, сажали, вгоняли в шахты... Зато мы пели песни, ходили строем, и было весело». И ты понимаешь, что им надо *** (фигово), но стабильно. Это позапрошлый век, дикость.

— Но это не значит, что в дом бабушки должны прилетать снаряды.

— Я вам хочу сказать — на бабушку насрать. Ну, по большому счету. На внуков — нет. Молодежь должна завоевать свое будущее. Я за это время увидел столько смертей молодых, если встанет вопрос между тем, *** (завалить) бабушку или сделать в стране нормальную страну, я лучше *** (завалю) бабушку. Это может выглядеть фашизмом, но нельзя постоянно оглядываться назад. Бабушка — часть моей страны, которая эту страну топит, потому что имеет право голосовать и голосует за тех, кто принесет ей гречки. Я не представляю даже силового варианта возвращения этой территории, потому что если здесь они еще как-то боятся, то если зайти туда дальше, в Донецк, они откровенно будут в спину стрелять. Я презираю вашего президента, но он когда-то в Грозном объявил 24 часа на то, чтобы все, кто хотел, выехали, а всех, кто остался, зачистил. Так и здесь нужно.

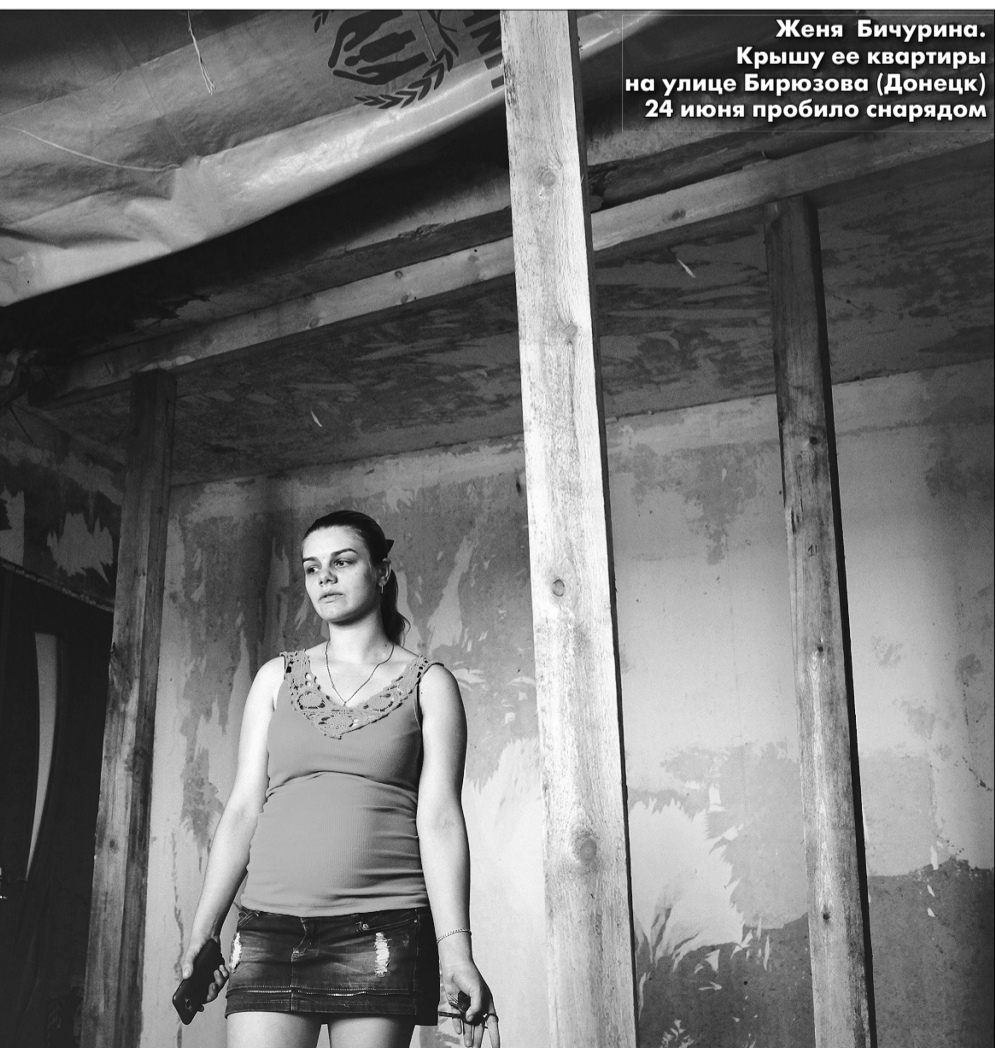
Мы спрашиваем, как это — воевать.

— Есть много такого, что я хотел бы забыть. Если этим заморочиться, можно сидеть: я воевал, я воевал... У меня бывают моменты, когда меня накрывает. Я тогда просто молчу, хожу: туда-сюда, туда-сюда... Не люблю журналистов. Они однажды написали, что убийство вызывает у меня азарт.

— А что, нет?

Санта задумывается.

— Бывает, — серьезно говорит он.

Женя Бичурина.
Крышу ее квартиры
на улице Бирюзова (Донецк)
24 июня пробило снарядом

По ту и эту сторону

Раздача гуманитарки в Авдеевке

Авдеевка (под контролем ВСУ). Гуманитарка

— Вроде деньги дают, французы какие-то.

— Да не, ваучеры. На руки кто ж деньги даст.

— Многолетним тоже дают?

Громкий взрыв. Еще один. Асфальт вибрирует, но толпа перед дверями горсовета Авдеевки смыкается теснее, подступает к крыльцу. Не от страха, просто анкеты на гуманитарку заканчиваются.

— Не вырывайте анкеты друг у друга, будьте людьми! — беспомощно орет администратор гуманитарного фонда «Країна вільних людей» на крыльце горсовета. Анкеты вырывают уже у него, напирают сильнее. Взрывы сменяются автоматными очередями. Кажется, они совсем рядом, хотя до ближайшего блокпоста километра четыре. Мне хочется спрятаться.

— Близо стреляют вроде?

— Да. Страшно, — без выражения отвечает женщина в очереди. Не сдвигается с места.

Выясняем, что ваучеры дают на 450 гривен (1160 рублей). Их можно потратить в продуктовых магазинах. То есть сначала надо попасть в список из 320 человек, кому полагается гуманитарка, с боем получить анкету, пройти отбор, дожидаться ваучера... А потом тратить.

— Все, нет больше бланков, домой идите.

Люди не уходят, теснятся к дверям горсовета, кричат. Взрывы грохочут ближе.

Старики с листками анкет расходятся по газону, надолго замирают, шевеля губами над буквами. Заглядываю из-за плеча в анкету пожилой женщины. Под вопросом: «Характер поврежденной дома» — «Значительные». В графе: «Сколько раз за последнюю неделю семья употребляла мясо, рыбу, яйца, молоко?» — аккуратный прочерк.

— Вы корреспондент? Скажите, когда будут давать гуманитарку после 60 лет? Мне 64, и мне не положено, — спрашивает женщина в пестром хала-

те. Отворачивается, не ожидая ответа. Беззвучно плачет.

Раздачу гуманитарки в ДНР мы не застали, но почти в каждом доме нам рассказывали, что едят в основном ее.

Вся война

14 июня, вечер. В машине с наклейкой «Слава Богу за все» мы едем вдоль линии соприкосновения по территории Украины. Нас везет Саша, миссионер церкви «Добрая весть» из Славянска, прибавляет скорость на простреливаемых участках, останавливается у края поля на окраине села. Бегают дети, возвращаются с пастбища коровы, движутся степенно и ладно, тонко позванивают колокольчиками. Саша выводит нас на пригорок, оглядывается:

— Вот за полем, там, где террикон, — это Горловка. Две высотки справа на горизонте — Ясиноватая. Еще правее, в дымке — Донецк, за ним уже наша Авдеевка. Видишь?

Поднимается ветер, приносит звук пулеметной очереди со стороны

Горловки, шевелит полевую траву, приминает клевер.

— Вот и все, — говорит Саша. — От Горловки до Донецка. Вся страна. Все два года войны.

Солнце опускается за нашими спинами, и на поле остаются видны только силуэты медленно бредущих коров.

Спустя три недели, в этот же час, мы будем ехать параллельной дорогой по другую сторону линии фронта, из Горловки в Донецк. Так же будет цвести клевер, бить в стекла закатное солнце, водитель — прибавлять ходу на опасных участках, и едущий с нами бывший ополченец с тем же именем Саша поморщится:

— Такая засада, укры со стороны солнца.

— Бог любит Украину больше? — попытаюсь пошутить я.

— Да нет, — отмахнется Саша. — Просто солнце прицеливаться мешает. Не видно, куда бьем.

Елена РАЧЕВА,
Анна АРТЕМЬЕВА (фото),
спец. корры «Новой»

Воронка от снаряда на огороде в Авдеевке

Детский сад в Гольмовском после обстрела

КТО за Трампа, я не виноват

На заправке в глухом Вермонте мне бросился в глаза рекламный плакат с огромным заголовком «SEX». Подойдя ближе, я прочел, что продаются шины. Не справившись с когнитивным диссонансом и испугавшись, что упускаю что-то важное и соблазнительное, я спросил у хозяина, как одно сочетается с другим.

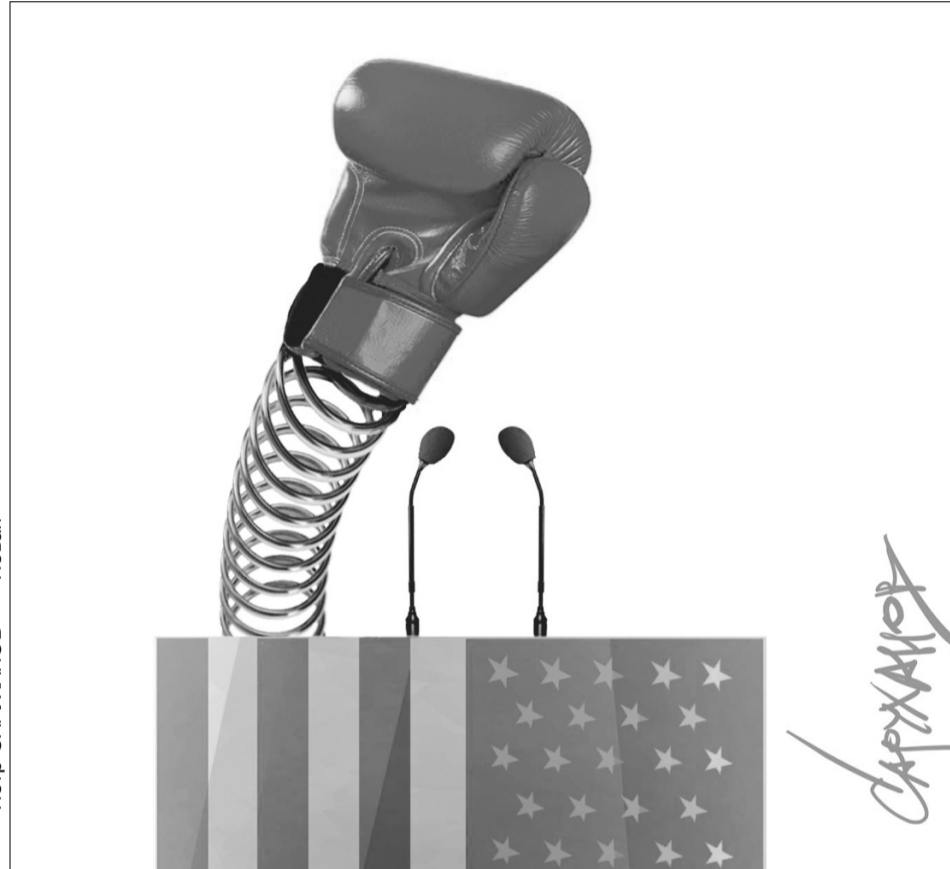
— Насколько я знаю, никак, — осторожно ответил он, — но покрышки расходятся быстрее.

Примерно той же притягательностью для читателей газет обладает имя Трамп. Без него первая полоса даже солидной «Нью-Йорк Таймс» кажется пустой и скучной. Но такое теперь бывает редко и только тогда, когда стреляют. В остальные дни без Трампа пресса не обходится, и мы не откладываем газету, пока не узнаем, что еще он натворил.

Собственно, поэтому Трамп может не тратиться на самую дорогую часть кампании — рекламу. И без нее медиа не дадут забыть о Трампе, во всяком случае до тех пор, пока он не станет произносить заранее написанные речи, пользоваться аргументами, внятно отвечать на вопросы, то есть вести себя как нормальный кандидат в президенты. Но он не начнет, потому что тогда мы перестанем искать его имя в заголовках, ибо все, что мы хотели знать о политике, мы могли узнать от Хиллари, если бы не ленились спросить.

Трамп к ней, политике, не имеет никакого отношения. Он не выше, не ниже, а вне ее. Другие играют в футбол, он — в регби и не по правилам. Именно поэтому его успех трудно объяснить, еще труднее — в него поверить. Поскольку выхода нет, потрясенная элита снарядила экспедицию, чтобы открыть Америку Трампа. Пандиты (это чудное санскритское слово вошло в английский для обозначения публично-интеллектуала, не скрывающего, как я, свои соображения по любому поводу) выбрали из «Старбакса», не допив макиато, и отправились в ту Америку, которая их не читает, не слушает и голосует за Трампа. Терпеливые и сочувствующие (как Миклухо-Маклай папуасам), эти наблюдатели пытаются понять совершенно новых для них людей: очень простых, чисто белых, необразованных и крикливых. Иногда им это удается, но с каким трудом!

Когда профессор литературного мастерства из Джорджии Джаред Йетс

Петр Саруханов — «Новая»

11 миллионов нелегалов, про Хиллари, по которой тюрма плачет. Меньше всего толпа интересовалась Трампом.

— Предвыборный митинг, — решил пораженный бурной сценой профессор Секстон, — праздник ненависти, где собравшиеся выпускают пары, накачанные политкорректностью. Трамп служит лишь вентилем и оправданием. Снимая с других вину, он берет ее на себя, давая повод всем вместе вести себя так, как в одиночку было бы стыдно. Не политика

праймериз, были нищими отморозками, оттягивающимися на расизме?

Вряд ли. Во-первых, они не такие уж бедные. Средний доход сторонников Трампа — 70 тысяч долларов в год на семью. Во-вторых, они страшны только в стае. Накричавшись, каждый по отдельности внимает доводам, соглашаясь, что вряд ли удастся выслать 11 миллионов нелегалов, включая ту девочку, что после школы подрабатывает в лавке, где спрашиваемый покупает сигареты. В-третьих, они — не такие дураки, чтобы и правда верить Трампу.

— Вряд ли он сделает все, что обещает, но он хотя бы обещает, — говорят они, относясь к своему кандидату как к синоптику, сулящему хорошую погоду на выходные.

За Трампа голосуют не те, кто считает его способным исправить положение вещей, а те, кто не верит в то, что с этим справятся другие. Уже потому, что все другие — политики. Сенаторы, губернаторы, министры и конгрессмены, все они — профессионалы управления. И это значит, что они завели страну в пат. Противостояние партий создало безвыходное положение в Вашингтоне. Год за годом власть буксует, не способная принять не только разумные, но и какие-нибудь законы. Раз политика исключила компромиссы, то следует предоставить управление страной бизнесу, который по определению искусство сделки.

И Трамп — как раз такой персонаж. Сам себе хозяин, он не зависит от партии, благотворителей, этикета, приличий, здравого смысла и даже закона. В глазах обывателей Трамп — фантазия о богаче. Он играет роль царя в анекдоте: кто мимо ни пройдет — тому в морду.

— Если я кого убью днем на Бродвее, — шутит он, — то мне и за это ничего не будет.

« Трамп к политике не имеет отношения. Он не выше, не ниже, а вне ее. Другие играют в футбол, он — в регби »

Секстон отправился на митинг Трампа в своем родном штате, он не мог ни оправиться от изумления, ни толком рассказать о его причинах в газете для семейного чтения. Еще на входе, пишет Секстон, его обступили торговцы футболками с похабными надписями, объясняющие, что и как надо сделать с Хиллари Клинтон. Другие майки обещали, что Трамп так и поступит. Внутри его встретила нетрезвая толпа с плакатами, содержанием которых он опять-таки не мог поделиться с читателями газеты, запрещающей нецензурную брань. Но все, что нельзя напечатать, можно было услышать: про мусульман-террористов, начиная с Обамы, про мексиканцев-насильников, включая

привлекла к Трампу этих людей, а индугенция, списывающая на нее, политику, право безответственной брани. Устроив себе праздник карнавалных вольностей, эти люди пришли кричать, а не слушать. Тем более что слушать особенно нечего, ибо, как показывает специальная служба информационной проверки, только два процента высказываний Трампа соответствуют истине.

Другими словами, Трамп снял табу и позволил Америке говорить, что хочется. Не удивительно, что она изрядно напугалась, услышав себя.

— Не может же быть, — спрашивают изумленные читатели, — что все 13 миллионов, проголосовавших за Трампа на

Миллиарды Трампа — индугенция и залог. Чистая, а не разделенная, как в Вашингтоне, власть служит афродизиак для избирателей.

— Если он, — шепчет их внутренний голос, — так разбогател, несмотря на четыре банкротства, то и я смогу. Вот когда Америка вновь станет сильной, а не такой, как теперь, когда все, что могло быть моим, достается другим, чужим и понаехавшим.

Хор популизма не поет ничего нового, но есть в нем голоса, которые мне кажутся особенно пронзительными: это партия наших. Казалось бы, что в этом хоре они (мы) точно лишние. Ведь мы и сами — другие, чужие и понаехавшие. Наши никак не похожи на настоящих, коренных американцев, полных, как говорил Фолкнер, «виски и библейских цитат». Что общего у хорошо вооруженных реднеков со старушками с Брайтон-Бич?

Ничего. Но именно в российском анклав Нью-Йорка — самая высокая плотность поклонников Трампа. Когда вышеупомянутые пандиты изучают этот феномен, они теряются в догадках. Прежде всего за Трампа голосуют эмигранты-пенсионеры. Не проработав ни одного дня в Америке, они полностью зависят от щедрости правительства, которое они ненавидят и мечтают заменить. Каким? Таким, чтобы не разбазаривало государственные деньги на всех, кроме них: если давать другим, то меньше останется себе.

Трамп, считают они, наведет порядок, перестанет церемониться, приструнит демократию, зажмет гайки и очистит страну, сделав ее примерно такой, из какой они бежали.

Однако за Трампа голосуют не только слегка одичавшие от московского телевидения старики Брайтона. Подавляющая — из расчета четыре к одному — часть соотечественников входит в электорат Трампа. И тут найти общий знаменатель сложнее, ибо среди его сторонников есть кто угодно. И многих я знаю: бруклинская учительница, голливудский актер, вермонтский филолог, нью-джерсийский адвокат, калифорнийский художник, флоридский режиссер — друзья, знакомые, оппоненты, противники.

На их фоне сам я — цветная ворона. Не вникая в причины моих заблуждений, одни с трудом выбирают выражения, другие — ни в чем себе не отказывают. Но мне все равно трудно понять, почему мы легко находим общий язык за столом или книгами, в кино или на отдыхе, но никогда — у избирательной урны.

Отчасти, думаю я, это объясняется инерцией. Наши всегда голосовали за республиканцев, полагая, что те себя строже ведут с коммунистами. Это не совсем так, потому что Кеннеди, победивший в Карибском кризисе, и Клинтон, давший Восточной Европе защиту НАТО, были демократами. Зато республиканцем уж точно был Рейган, разоривший Звездной войной соперников и вынудивший их к перестройке. Русская эмиграция ему этого не забыла — и правильно сделала.

Проблема в том, что Трамп не имеет отношения к партии, которую он якобы представляет. У него нет программы, кроме победы, нет идей, кроме абсурдных, нет точки зрения, которая бы не менялась. Он говорит, что придется, и тут же забывает, что говорит. Это значит, что впервые в Америке за высшую власть борется претендент, которого категорически не интересует политика как таковая. И тут у наших есть опыт — ведь все мы выросли в стране, где никто и никогда не верил политикам. Хуже, что, оставшись без них, мы легко становимся жертвой популизма и демагогов.

Вся надежда на то, что теперь, когда съезд официально выбрал Трампа своим кандидатом в президенты от республиканской партии, миллионы избирателей объединит другая партия — не демократическая, а электикская. Она называется «Только Не Трамп».

Старейшему петербургскому университету готовят областную судьбу. Цена вопроса сопоставима с переездом высших судов Российской Федерации

Пятая нога ректора

До недавнего времени ректор СПбГУ жестко критиковал принятое полвека назад решение, в результате которого факультеты разместили по Петербургу и Петергофу: «Одну ногу поставили, а вторую не перенесли к первой, нас поставили еще на одну руку туда, на другую — сюда. Мы стоим скорее даже не на двух ногах, а на четырех, враскорячку», — жаловался господин Кропачев. Теперь зачем-то понадобилась пятая: кампус в Ленинградской области.

Мечты меняются

Задачу возрождения Санкт-Петербургского университета Николай Кропачев изначально увязывал не столько с бережным отношением к доставшемуся ему в наследство профессорско-преподавательскому составу, традициям образовательного и научного процессов, сколько с «квартирным вопросом»: Университет получал все новые объекты недвижимости — якобы ради того, чтобы наконец вернуть учебный процесс на Васильевский. В 2011-м Николай Кропачев в беседе с корреспондентом «Новой» Викторией Работновой сетовал (по ряду причин интервью опубликовано не было, но его запись имеется в редакции):

«Перевод факультетов в Петергоф действительно привел к снижению конкурса — и, соответственно, ухудшению «качества» абитуриентов [...] Дорога к нам занимает два часа в один конец, четыре часа в день ежедневно. И дело не только в том, что это физически тяжело, хотя это тоже имеет значение. Но когда родители представляют себе, что их сыну или дочери придется ежедневно утром и вечером ходить до станции по неохранным и мрачноватой территории, мотаться в электричках вечерами... ну сами понимаете, что это небезопасно. И преподавателей тоже теряем — например, когда встал вопрос о переводе геофака в Петергоф, большая часть преподавателей категорически заявили, что подадут заявления об увольнении. Кроме того, сегодня уже появилась вполне реальная угроза распада структуры

СПбГУ. Вообще это решение, принятое 40 лет назад, было тяжелым ударом по нашему Университету. [...] Когда академику Фаддееву присваивали звание почетного гражданина, его спросили, о чем он мечтает. И он сказал, что мечтает именно о том, чтобы учебный процесс вернулся на Васильевский. Станислав Смирнов, лауреат премии Филдса, тоже рассказывал мне, как он ждал о времени, потраченном на дорогу в Петергоф, и как мечтал о том, чтобы факультеты вернули на Васильевский. Недавно я обсуждал ситуацию с ними обоими, и вы бы видели, как горели у них глаза — потому что мечта начала сбываться».

Трудно сказать, каким огнем загорятся глаза почтенных академиков и насколько обрадуются абитуриенты и их родители теперь, когда мечту развернуло в направлении Гатчинского района Ленинградской области. СМИ со ссылками на источник в областном правительстве раскрыли некоторые детали: речь идет о территории в 134 га в районе Дони-Верево, где предполагается возвести свыше миллиона квадратных метров недвижимости под все факультеты СПбГУ, общежития, жилье для преподавателей, научных лабораторий и социальной инфраструктуры. Создание кампуса на пустом месте оценивается примерно в 50 млрд руб., необходимый для реализации проекта и перебазирования Университета срок — в 10 лет. Затраты рассчитывают частично покрыть за счет продажи или сдачи в аренду ныне закрепленных за Университетом объектов (всех, кроме здания Двенадцати коллегий) — что, как утверждается, «позволит вузу заработать около 40 млрд руб.».

Согласно данным, представленным на сайте вуза, сегодня на правах бессрочного пользования у СПбГУ 67 земельных участков общей площадью 471 га (на Петербург приходится 25 га), 347 зданий и сооружений общей площадью свыше 800 тыс. кв. м, 57 из которых имеют статус памятников.

Непонятно только, каким образом Университет собирается заработать на операциях с тем, что ему не принадлежит: вся эта недвижимость является

государственной собственностью. Если намереваются пойти путем приватизации госимущества, то каким образом вырученное от его продажи сразу ссыплется на проект, минуя общий бюджетный кошелек?

Спишут не на Пушкина, так на Бобринского

Руководство Университета никак официально не отреагировало на появившиеся в СМИ сообщения о деталях глобального переезда. Поначалу попытки взять комментарий обрывались лаконичными фразами о том, что-де обсуждать нечего, ибо никаких решений еще не принято, конкретики нет. После того как подскочил градус общественного возмущения перспективой отправки старейшего университета из Петербурга на высылки, в другой субъект Федерации, СПбГУ разместил у себя на сайте такой текст:

«В настоящее время для осуществления своей основной деятельности Университет использует несколько сотен объектов недвижимости. Вопрос о создании единого кампуса Университета стоит на повестке дня уже более 100 лет. Так, еще в 1915 году его рассматривала Высочайше утвержденная комиссия, работавшая под председательством графа Алексея Бобринского. А в 2013 году по поручению Правительства Российской Федерации при Минэкономразвития была сформирована межведомственная рабочая группа для проработки предложений по созданию единого университетского городка. Рабочей группой рассматриваются различные варианты размещения единого кампуса — в том числе на территории Санкт-Петербурга и с использованием существующих университетских зданий, а также на территории Ленинградской области, граничащей с Санкт-Петербургом».

Переводить стрелки на Бобринского — тоже, конечно, вариант. Хотя едва ли удастся притянуть покойного графа к ответу за казенные миллиарды, потраченные на освоение Университетом все новых и новых разрозненных объектов, которыми тот активно прирастал в новейший период своей исто-

рии. Не успевая порой переварить все, что по жадности заглотив.

А что не зыист, то понадыкусыает

Например, еще в 2006-м СПбГУ (еще в бытность ректором Людмилы Вербицкой) получил в безвозмездное пользование 658 кв. м нежилых помещений в доме Брюллова (Кадетская линия, 21) — как говорилось, для размещения там Восточного факультета. Но пренебрег прописанной в договоре обязанностью выполнить работы по сохранению и реставрации этого памятника федерального значения, оставив его без должного попечения. Смена ректора не принесла добрых перемен; проверочные мероприятия с участием прокуратуры в 2010 и 2011 годах выявили, что помещения так и не используются, а сам объект находится в неудовлетворительном состоянии. Экспертиза диагностировала удручающее состояние, здание было признано аварийным и подлежащим сносу или реконструкции. Договор с СПбГУ расторгли, судьба же дома Брюллова до сих пор висит на волоске.

В границах дворцово-паркового ансамбля «Михайловская дача» под Стрельной без малого десять лет пытаются обустроить Высшую школу менеджмента СПбГУ. Старт был дан распоряжением правительства РФ 2006 г.; в рамках национального проекта «Образование» предполагалось за 7 млрд руб. реализовать к 2010 г. проект «Студии-44» Никиты Явейна. В 2010-м проект был утвержден госэкспертизой в объеме уже 20 млрд, а к началу 2014-го проверка Счетной палаты констатировала: «По истечении более 7 лет реализации проекта его основная цель — строительство кампуса для российской школы бизнеса — не достигнута», «ни один объект проекта по реконструкции комплекса... до настоящего времени в эксплуатацию не введен». Занятия в новом кампусе начались только осенью 2015 года.

Единственное, что можно было счесть завершенным на тот момент, так это разрушение единого архитектурно-лан-

Здание двенадцати коллегий

Так выглядят окрестности Дони Верево, куда может переехать университет

дшафтного ансамбля. Вырубили вековые деревья, перепахали бульдозерами территорию, зачистили под ноль исторические оранжереи, перекрыли вид на Конюшенный корпус каменной оградой на земляном валу и современным зданием библиотеки (*напоминающим, по определению критика Михаила Золотоносова, «гламурное бомбоубежище»*), водрузили облицованное зеркальным стеклом «студенческое кафе» высотой с семиэтажный дом и развили уплотнительную застройку начатками корпусов общежитий.

Площадь вновь возводимой недвижимости в границах этого охраняемого ЮНЕСКО памятника более чем вдвое превысила площадь существовавших исторических построек. Их Университет должен был отреставрировать — но нынешней зимой объявил об «оптимизации проекта в связи с высокой стоимостью расходов на реставрацию и реконструкцию исторических зданий». Под оптимизацией понималось то, что, застроив и обезобразив территорию уникального ансамбля на берегу залива, Университет отказался от попутных обязательств по реставрации памятников: еще больше обветшавшие за эти годы исторические корпуса, дворец великого князя Михаила Николаевича и значительную часть парка спихнули опять на федеральную казну.

Неподалеку, на берегу Финского залива, между Петергофом и Ораниенбаумом, тихо погибают несколько спроектированных Леонтием Бенуа деревянных дач — в 1970-е они отошли под университетскую базу, но уже много лет как заброшены. Руководство СПбГУ, несмотря на регулярные понукания КГИОП, не предпринимало даже малейших телодвижений, чтобы хоть законсервировать эти уникальные памятники, не говоря о реставрации. Хотя ее проект еще в конце 90-х был выполнен институтом «Спецпроектреставрация». На его реализацию, говорят, нет средств. При этом Университет прибирает все новые и новые памятники.

Так, в 2011-м на баланс СПбГУ перешел комплекс Первого кадетского корпуса, где до того размещалась Академия тыла и транспорта. Только проект реконструкции (опять «Студия 44» Никиты Явейна) обошелся в 415 млн руб. Его реализация оценивалась в 4,4 млрд, однако объявленный в 2012-м конкурс на производство работ был отменен Университетом. Пока преобразования коснулись лишь одного небольшого корпуса — бывшей прачечной, которую за 136 млн должны к концу года приспособить под нужды приемной комиссии.

Интерес к данному объекту, конечно, меркнет на фоне прачечной совсем иных масштабов, вырисовывающейся теперь у Дони-Верево.

Локомотив для застрявших в болоте

Территория эта прилегает к зоне все еще очень призрачного города-спутника Южный, затеянного на болотных хлябях компанией «Старт Девелопмент» Захара Смушкина. С оглядкой на целый букет сопутствующих этому проекту проблем (от нестыковок с действующим законодательством и активного общественного противодействия до финансовых сложностей и не самого нажористого вида разрешенного использования земель — зона ИЖС и малоэтажек) вытянуть его из болота способен только очень серьезный локомотив. В конце июня «Старт Девелопмент» объявил о намерении продать первые 200 га в своем проекте не пулу застройщиков, как анонсировалось ранее, а «одному крупному девелоперу», который-де построит там 1 млн кв. м. Подключение солидного игрока способствовало бы повышению привлекательности прочих участков Южного, а значит, росту цен на них. Аналитики

рынка, правда, ставили под сомнение возможность найти девелопера, гораздо в одиночку взяться за возведение миллиона квадратных. Оказывается, бывает и такое: вот Университету, например, именно столько и требуется для нового кампуса.

Кстати, сюда же пытаются подтянуть и инноград ИТМО — о его создании в границах Южного говорят как о решенном вопросе. По сведениям газеты «Ведомости», в июне правительство Санкт-Петербурга, ИТМО, корпорация «Роснано» и УК «Старт Девелопмент» уже подписали соглашение о совместном создании «Иннограда науки и технологий» — университетского кампуса с научно-техническими центрами и лабораториями. Под этот «Инноград» смушкинцы смогли добиться от Смольного обещания утвердить проект планировки территории всего города-спутника Южный и поспособствовать развитию его транспортной и социальной инфраструктуры.

Попутно «Старт Девелопмент» пытается продвигать в этой локации и «Индустриальный парк «Дони-Верево» (презентуется как проект концептуального развития территории производственно-логистической зоны площадью 185 га, где анонсируется создание более 30 производственных и логистических предприятий).

Признавая, что выбор Дони-Верево сопряжен с серьезной проблемой транспортной доступности, застройщики перевода сюда СПбГУ обещают решить ее с помощью высокоскоростной электрички, призванной соединить Гатчину с Петербургом.

Братство кольца

Идея передислокации нашего старейшего университета в соседний субъект Федерации может быть связана и с мегапроектом «Императорское кольцо» от братьев Ковальчуков. Позиционируется он как единый проект города и области, призванный «насытить» эти территории новыми функциями: инновационной, культурной, научно-технической». Процесс насыщения иницирован директором НИЦ «Курчатовский институт» Михаилом Ковальчуком, концепция разработана фондом «Центр стратегических разработок Северо-Запад», председателем правления которого является его брат и главный акционер банка «Россия» Юрий Ковальчук. Сформулированные двумя «К» цели претенциозны: «Создание центра интеллектуального превосходства на границе с Евросоюзом». Интеллектуальное превосходство, похоже, собираются измерять в квадратных метрах: масштаб намечаемого нового строительства колоссален. Для начала сконцентрируются на «Малом императорском кольце», охватывающем Красное Село, Пулковое, Тайцы и Гатчину. А затем грозят размахнуться на кольцо великанское, втягивающее в свою орбиту Петродворцовый, Пушкинский, Московский и Кронштадтский районы, плюс несколько районов Ленобласти — Кировский, Ломоносовский и Тосненский.

Главная роль в этом представлении отводится именно Гатчине, из которой обещают сделать мировой центр науки и ядерных технологий, загадочным образом совместив эту традиционно закрытую историю с превращением городка в туристический центр с высококлассной городской средой, современной инфраструктурой, вновь создаваемыми креативным кварталом, конференц- и бизнес-центрами, гостиницами и прочая. Не хватает разве что хрустального моста.

В 2013 г. проект двух «К» обсуждался на проходившем в Гатчине Совете по образованию и науке, где президент Путин выразил ему поддержку. Той же осенью Николай Кропачев докладыва-

Дача Людвиг Крона (архитектор Леонтий Бенуа) разрушается на территории базы СПбГУ под Петергофом

ет на заседании попечительского совета СПбГУ о планах по созданию единого университетского кампуса, председатель правительства РФ Дмитрий Медведев поручает создать межведомственную рабочую группу для проработки соответствующих вариантов. Помимо представителей министерств, в нее входят представители администрации не только Петербурга, но и Ленобласти.

С середины 2014 г. в разных СМИ активно представляется позиция Николая Кропачева о необходимости создания единого кампуса, который позволит наконец преодолеть разрозненность и объединить весь Университет. Что не мешает ректору попутно добиваться передачи СПбГУ новых объектов в исторической части города. Так, господин Кропачев лоббирует присоединение к Университету Института акушерства и гинекологии им. Отта и Библиотеки РАН, что удаётся ему лишь в первой части: вверенная СПбГУ недвижимость прирастает почти на 30 тыс. кв. м за счет присоединения институтских зданий по Менделеевской линии, 3.

К февралю 2016-го, после обсуждения вопроса на совещании под руководством зампреда правительства РФ Ольги Голодец, комиссия приходит к выводу, что для размещения нового кампуса требуется территория площадью 150–200 га, а такие возможности отсутствуют на ранее предлагавшихся губернатором Петербурга земельных участках, в том числе и на намывных территориях Васильевского острова.

Ольга Голодец поручает администрации города и области рассмотреть иные варианты — в частности, Курортный район (возле Горской) и возле Гатчины, по соседству с планируемым городом-спутником Южный.

В мае Николай Кропачев в ряде интервью вновь акцентирует внимание на проблеме разрозненности объектов Университета и заявляет о том, что «многие его исторические здания вообще не приспособлены для современных исследований», а «решением вопроса может стать единый кампус для всего Университета: такое предложение обсуждалось на всех уровнях и получило поддержку». При этом оговаривается, что «здание Двенадцати коллегий хотелось бы сохранить в любом случае».

А «Новой» хотелось бы напоследок воспроизвести дословно высказывание академика Фаддеева, на которого прежде так любил ссылаться господин Кропачев: «...Иногородние студенты, живущие в загородном общежитии, не имеют возможности повышать свой культурный уровень — раньше такую возможность им давала жизнь в большом городе. А сейчас они попросту изолированы от Петербурга и предоставлены сами себе. Я бы считал героем того ректора, который смог бы перевести естественнонаучное образование из Петергофа обратно в город».

Татьяна ЛИХАНОВА

Дача архитектора Артура Грубе — там же

Минприроды говорит нельзя

Планы застройки лесов между Токсово и Лехтуси промышленными объектами переполюбили жителей Токсова

По словам главы администрации Всеволожского района Владимира Драчева, которого процитировало издание online47, к 2036 году в этом месте появятся предприятия Газпрома, а в 2026-м здесь вырастут два индустриальных парка. Сейчас между поселками Новое Токсово и Лехтуси находится Ржевский полигон — леса, контролируемые Морозовским военным лесничеством.

Медведи под защитой Минобороны

Лесной массив от автодороги Петербург — Матокса в створе Токсово — Матокса и до берега Ладоги (площадь более 70 тысяч га), знаменитый Ржевский полигон, создает ощущение бескрайних лесных пространств в Западном Приладожье. Формально он относится не к лесному фонду, а к категории земель со сложным названием «земли промышленности, транспорта, связи, обороны [...] и иного спецназначения» и находится в постоянном бессрочном пользовании Минобороны.

На самом деле никакого полигона там давно нет. Это просто лес со множеством озер, грибов и ягод, где, всего в тридцати километрах от города, встречаются медведи и рыси! И если представить, что Ржевский полигон отдадут под застройку, мы лишимся главного рекреационного фонда района. Статус оборонной территории все эти годы давал ему хоть зыбкую, но защиту.

Природоохранную ценность этого леса подтвердило в 2013–2014 гг. экспертное заключение ученых СПбГУ под руководством Дмитрия Ковалева, «отца» многих областных заказников. Они рекомендовали правительству Ленинградской области придать лесу статус особо охраняемой природной территории, с чем согласился Комитет по природным ресурсам ЛО. Проект заказника «Токсовские леса и озера. II очередь» создан и ждет своего часа на полке в комитете. Но быть ли заказнику, если на месте уже нарисованы промзоны?

Одни ответы

Владимир Драчев в разговоре с «Новой» заверил, что газпромовские объект будут строиться не на полигоне, а северо-западнее, в Куйвозовском сельском поселении. Индустриальных парков там тоже не будет. Выходит, в публикации была неточность? Но «Деловая газета Ленобласти» тоже передала слова Драчева, что индустриальные парки «Ржевские» разместятся именно на территории полигона, а некий промышленный «объект» появится непосредственно между Новым Токсово и Лехтуси.

Вместе с тем глава района убежден, что земли Ржевского полигона рано или поздно будут переданы в распоряжение районных властей: «Поселения, которые с ним граничат, сейчас уже включают его территории в свои схемы планирования, в генпланы. Кто-то — для строительства спортивных и рекреационных объектов, а кто-то, возможно, и для промышленных».

Кончай дележку

Дмитрий Ковалев, автор проекта заказника, относится к подобным планам скептически: «Законным образом передать участки Ржевского полигона в муниципальную собственность сложно. Он имеет двойное подчинение — это оборонные земли и земли лесного фонда, находящиеся в пользовании Минобороны. Та часть, которая относится к лесному фонду, не может передаваться иначе, чем через Росимущество и с согласования Рослесхоза. Ее сначала нужно вывести из лесного фонда. И если Всеволожский район надеется сделать это на халяву, то Министерство природных ресурсов и Росприроднадзор, я надеюсь, ему воспрепятствуют».

Недавно из Министерства природных ресурсов РФ пришло письмо, которое полностью подтвердило слова

Ковалева (скан имеется в редакции). Директор департамента государственной политики и регулирования в области лесных ресурсов Минприроды А. Н. Грибеников, ссылаясь на постановление Правительства РФ от 02.02.1998 № 135, пишет, что «в случае прекращения пользования Минобороны участками [...] леса подлежат возврату в лесной фонд». И, как заверяет Грибеников, Рослесхоз уже уведомил об этом Министерство обороны.

Однако глава Всеволожского района с этим не согласен. Когда «Новая» сообщила ему о письме Минприроды, он заявил, что, по его мнению, «Минобороны само решает, кому передать леса, — может и муниципалитету».

Возможно, о Постановлении № 135 не знают ни в правительстве Ленобласти, ни в Минобороны. Еще в 2013 г. в интервью газете «Деловой Петербург» губернатор Александр Дрозденко сообщил, что «Минобороны рассматривает вопрос о передаче нам 16 тыс. га Ржевского полигона, земли которого нам интересны и под промышленное использование. [...] Заберем все, что дадут».

В том же году, вернувшись с правительственного совещания, тогдашний глава токсовской администрации Вадим Кузнецов сообщил активистам, что ему предложили решить, какие именно территории Ржевского полигона в свете готовящейся передачи Токсовское МО хочет взять себе. «Именно поэтому мы торопимся накрыть лес стеклянным колпаком заказника, — говорит токсовская эоактивистка Елена Гинзбург. — Понятно, что как только леса каким-то образом будут переданы, они пойдут на распродажу и застройку».

О планах по созданию заказника Владимир Драчев тоже, судя по всему, не в курсе: перечисляя планируемые ООПТ на территории района, он его не назвал. Хотя активисты уверяют, что проект заказника ему показывали, в том числе в присутствии губернатора. «Создание заказника все время откладывается, — сетует Ковалев. — Есть сведения, что сейчас дирекция ООПТ собирается заказывать новый его проект. Притом что и наш проект, созданный в 2013–14 гг., был неплох. За последние три года в комитете было истрачено 10 млн руб. на проектирование особо охраняемых природных территорий, и при этом ни одна из них не была доведена до создания». (Это не совсем так. Заказник «Токсовские леса и озера. II очередь», состоящий всего из двух лесных кварталов напро-

тив станции Кавголово, был создан в 2014 г. — Прим. ред.) По информации активистки движения «Токсовские озера» Натальи Рейнер, начальник дирекции ООПТ Федор Стулов перенес создание заказника на 2017 год, мотивируя это большим объемом другой работы.

Таинственный Газпром

О том, что Газпром претендует на участок между поселками Новое Токсово и Лехтуси, на территории Ржевского полигона, два месяца назад в разговоре с активистами сообщил начальник отдела землепользования Токсовского МО Аркадий Решетов, и по его словам, с этим уже ничего нельзя сделать. «Впрочем, когда я его недавно вновь спросила об этом, он от своих прежних слов отказался», — говорит активистка Юлия Шамгунова. Она уверена, что речь шла об участке на горе между озерами Тинуксеньярви и Кортенлампи. По соседству с ним Всеволожская администрация, решив, что часть Ржевского полигона уже принадлежит ей, в 2012 г. продала участок под застройку коттеджным поселком компании «Хонка-парк». Весной этого года Минобороны через суд вернуло участок государству, а также оспорило права на другие участки общей площадью 750 га, которые Всеволожский район тоже ухитрился присвоить (см. «Новую» от 8.06.2016). Районные власти, видимо, всерьез намерены забрать себе Ржевский полигон, раз делают это, не дожидаясь изменения статуса.

В настоящий момент между Тинуксеньярви и Кортенлампи отмечено скопление рабочих бытовок и техники. На бытовках надпись: «собственность СНТ «Защита». Это эмчезовское СНТ во главе со своим председателем, бывшим начальником управления МЧС по Выборгскому району СПб Сергеем Атаманчуком уже который год отсуживает у Минобороны его леса гектар за гектаром. «Защита» говорит, что отсуживает землю для района и нашего поселения», — говорит замглавы Токсово Алексей Крылов. А когда отсудить не удастся, то просто самоуправно строит в лесу свои объекты. Построенные Атаманчуком в прошлом году на землях Минобороны дорога и ЛЭП ведут как раз к озеру Тинуксеньярви, к объекту то ли «Хонки», то ли, в свете последних новостей, Газпрома.

Этим летом Юлия Шамгунова уже дважды беседовала с сотрудниками военной прокуратуры Западного военного округа. Приносила фотографии незаконного строительства, бытовок, техники. Недавно позвонили из Генпрокуратуры. Сказали, что ведется проверка, запросили какие-то детали. Но на месте абсолютно ничего не меняется. Ковалев уверен, что на индустриальные парки ресурсов в районе все равно нет: скорее всего, эти планы закончатся тем, что в лесу проложат дороги, вырубят деревья, продадут, а землю откадастрируют, порежут на участки и распродадут под поселки. Спасти уникальную территорию может только статус заказника.

Газпром ситуацию со Ржевским полигоном не комментирует. Известно, что в ближайшее время компания намерена инвестировать в газификацию района примерно 6–7 млрд рублей.

Ирина АНДРИАНОВА

карта памяти

Юрий РОСТ,
обозреватель «Новой»Мир:
Живопись Натальи
Нестеровой

Мы долго искали фон. Бродили по желтому Летнему саду и по другим садам, не менее летним, со стриженными зелеными газонами и белыми собаками на них. По Москве ходили и по другим городам, среди озабоченных даже во время отдыха мужчин и женщин. Вдоль моря. Море было светлое, и светлый песок, и люди в светлом, и все было безмятежно напряжено.

Порой возникали птицы, небезопасные. Они переплетались крыльями. Но не падали, хотя тяжелее воздуха. Ангелы, которые воздуха легче, валились вниз, угрожая жизням тех, кого надлежало им охранять. И бесконечные глаза подсматривали за нашей неумной жизнью, и наши прозрачные силуэты просвечивали свинцовые облака, ненадежно повисшие в атмосфере, и в неудобных для этого позах фигуры парили над землей. Над землями. Потому что разные были места пребывания, желания, радости, страдания и игры.

Среди этих земель одна была знакома до неузнаваемости, на ней все еще происходило то, что давно произошло; и тот, кто все еще не вернулся, — не ушел; и те, кем он был предан, еще были преданны; и те, кто толковал, не верили; и мы увидели нарисованное словами, теперь лишённое слов, и в полной тишине слышали, что он говорил остальным двенадцати, каждому на своем месте в своем квадрате, отделенном друг от друга белой границей стены, и не понимали вот уже две тысячи лет.

В исканиях мы бродили по времени, часто возвращаясь к себе — в пространства, где обедали, играли в карты, разговаривали или просто думали незнакомые, непохожие, немногим красивее, чем мы, совершенно узнаваемые женщины и мужчины. Они не обращали на нас внимания. Как на фон. Разве не так? Разве невероятная наша жизнь, как в любые, впрочем, времена, не есть загроможденный страстями и вялостью бытия холст, на котором разворачивает свой мир великий художник? Живой, заметим, мир.

Все поле написанных Натальей Нестеровой полотен заполнено тайной тревогой ожидания. Стоит тебе лишь ненадолго отвести взгляд от картины, оставить ее без присмотра на секунду, как что-то произойдет очень важное не только в жизни персонажей, но и в твоей собственной. Такой талант у Натальи Игоревны. Ее, вне сомнения, радуют некоторые состояния холста, однако больше беспокоит предчувствие, что может случиться нечто серьезное, если мы надолго задержимся в ее мире, оставив без присмотра свой.

Дом:
Общие слова о любви

Рассказ о чужой любви чреват неточными подробностями. О своей — общими словами, по честному праву скрывающими смысл деталей и избавляющими тебя от извинительного тона.

«— Расскажите мне о предмете своих чувств, Собакин!»

— Извольте, Сидоров, Анна — женщина, которая мне удалась.

— Нельзя ли подробней?

— Отчего же. Когда я обнимаю ее, стоя лицом к зеркалу, я не подмигиваю себе, я даже не вижу своего лица. Только ее затылок.

Сидоров (в сторону):

— Как, кажется, неловко складывается. Он ее действительно любит» (из *Винсента Шеремета*).

Мне не доводилось видеть зеркало за спиной Зои Николаевны, но уверен, что я не вошел бы в стовор с отражением. Зоя Николаевна мне удалась. Не одному. Многим друзьям Натальи Игоревны

Ангел с тяжелыми крыльями

и — в особенности — ей самой. Этот «коллектив» задействован мной, чтобы развиться в толпе, ограничившись общими словами.

Между тем, зайдя в крашенную черным кухню с бесчисленными тарелками по стенам и видя уютную, добрую и умную улыбку Наташиной мамы, я выгляжу более подробно, поскольку не учитываю ничью доброжелательность.

Тем у нас обычно три:

Первая — она, Зоя Николаевна («Я вам не верю! Вы обманщик, хотя...»).

Потом — я («Зоя Николаевна! Теперь все будет иначе. Обязательно позвоню...»).

И наконец — Наташа. Ее присутствие не обязательно и, более того, не очень желательно, поскольку публичность — кроме выставок — ей претит, слушать она любит больше, чем рассказывать (хотя говорит прекрасно), и любую нашу беседу с Зоей Николаевной о ее работах, справедливо ведущуюся в степенях превосходных, прерывает с иронией и тактом. Или без него.

— Не хотите ли лучше по рюмочке?

— Ну отчего же... — говорю я и спрашиваю не без журналистской сметки: — Зоя Николаевна, как долго вы знаете Наташу?

Зоя Николаевна смотрит на мою рюмочку, затем на меня и, благородно пропустив мимо несоответствие глубины емкости глубине же вопроса, отвечает:

— Я ее знаю очень давно. И считаю, что больше всего ей повезло не с мамой и папой, а с бабушкой и особенно дедушкой. Дедушка был очень интересный человек. Во-первых, он был какой-то кроткий, не бойкий. И потом, мне кажется, у него была единственная любовь в жизни, кроме живописи, — внучка. Все остальные женщины, включая мою маму и меня, не значили для него так много.

Я занимаю ваше внимание не только оттого, что мне приятны голос, манера речи Зои Николаевны, ее мягкость. Мне интересно, как возникает личность в искусстве (не только в искусстве). Откуда эта тихая непреклонность? Как ей удалось, столько накопив, ничего не растерять? Как она, Наташа, небольшая

и улыбочная, набрала такую силу, не потеряв доброты?

Зоя Николаевна считает роль деда ключевой. Наташа видит в нем первого и самого важного учителя. Он и вправду учил живописи, прежде сам поучившись у Коровина и Леонида Пастернака.

Ярославский крестьянин из многодетной семьи, где было столько сыновей, что двух назвали Иванами, он мальчишкой бежал в Москву с бродячим цирком (какие замечательные цирковые картины у Нестеровой: гимнасты, лошади), нашел художественные курсы и сам поступил в училище живописи, ваяния и зодчества. Он выучил французский и латынь и не читал современных писателей. Лишь Шекспир, Мольер и греки, особенно Аристофан — были такие книжечки в бумажных переплетах. Писал пьесы и был сезаннистом (слово это Зоя Николаевна произносит ровно — без восторга и осуждения, но лишь для того, чтобы объяснить, почему у него ничего не получилось, когда его отправили на Сормовский завод рисовать рабочий класс).

Полагаю, что чувства деда к внучке были серьезны, а отношения лишены фальши. Ребенку легко объяснить, как надо жить, и добиться договоренности с ним. Дети — конформисты. Их пора — приспособление к условиям и среде. Взрослые полагают, что дурное маленький человек усваивает охотнее, чем доброе. Запретный плод, влияние извне, скверные приятели, радио, телевидение... Я не Песталоцци, но и шадящего образования достаёт понять, что дети, обретая опыт, усваивают все реальное. И если ваши умные слова о нравственности сопровождаются собственными комфортными компромиссами — дети усвоят все правильно: говорить надо о высоком, а дружить с сильными.

Ангел с тяжелыми

Я это к тому, что дед Натальи Игоревны своим поведением, словами и играми заложил в художнике Нестеровой не вполне обязательное — в проплывающем мимо обществе — и уж точно обременительное для носителя чувства достоинства и порядочности.

Характерец она имела от природы. (Кое-что надо получить в дар.)

Однажды Зоя Николаевна застала своего отца грустно сидящим под столом. Как оказалось, Наташа посадила его в тюрьму. Надолго. Нарушить кодекс игры ему не позволяло уважение к миру ребенка, к тому же он хотел, чтобы Наташа была художником, то есть поэтом в высоком смысле. Поэт же не только имеет право на вольность. Он только на это и имеет право.

Зоя Николаевна очень давно не видела живыми работ своей дочери. Только в каталогах, на фотографиях и по телевизору. Из-за больных ног она не может покинуть дом (студенты Строгановки приходят к ней заниматься сами), хотя еще несколько лет назад Наташа на лето вывозила маму на дачу, которую снимали во Внукове. Там Зоя Николаевна читала дочери вслух серьезную литературу (дедушка был бы доволен), пока та работала, а внук Лева носился по округе. Много книг ей пришлось прочитать...

— Когда Наташа мне рассказывает про этих бедных старушек в подземных переходах, которые топчутся, неловко пряча взгляд от протянутой им милостыни, я вспоминаю Сталинград, все страхи, которые невозможно себе представить, не прожив их, и думаю: а какие радости испытали эти женщины во всей своей жизни?

Зоя Нестерова, архитектор «Гидропроекта», уехала из Москвы на третий день после начала войны. Отступить из-под Орла, Курска, с Волги. Всю свою войну она — вольнонаемный инженер оборонных сооружений — провела в саперных частях, устраивая заслоны, укрепления, землянки, огневые точки, минные поля... А потом отходила.

Наступать Зое Николаевне не случилось, поскольку после контузии в Сталинграде в 1943 году она вернулась в Москву к мужу Игорю Смирнову, поступила в аспирантуру архитектурного института, а в 1944-м у них родилась Наташа.

— С карандашом в руке.
— С карандашом?
— У вас же есть, Юра, ее рисунок, когда ей было три года.

— Есть. Вы дружили с дочерью?
— Не сразу... Мы с ней стали дружить позже. Я строила дома в Магнитогорске, Челябинске. Уезжала надолго. Она оста-

Наташа с замечательным скульптором Лазарем Гадаевым на моем балконе. Какие красивые

валась с дедом... Ее подруга завлекла в художественный кружок в уголке Дурова. Там ее высмотрели и позвали в художественную школу. Сначала она не блистала, переход детского рисунка к натуре ломает многих. Я помню, как учитель мне говорил: «Очень хорошенькая девочка, умная, но художника из нее не будет никогда».

Ошибся.
В этом фрагменте разговора с Зоей Николаевной не так нам важно то, что Наташа талантом и трудом опровергла предсказание учителя, как то, что мама стала другом дочери.

Родители не выбирают себе детей. Это правда. А вот у детей выбор есть. Он происходит много позже рождения, когда биологическая и социальная зависимость детеныша от семьи ослабевает. Тогда лишь обязательства, чувство благодарности, привычка, прагматизм, традиционная мораль связывают ребенка с матерью или отцом. Ну пусть еще любовь и сострадание. Но момент выбора родителей обязательно наступит в зрелом возрасте, когда не выбирают друзей, дарованных случаем.

Станешь товарищем своему ребенку — это твоя удача. Но выбор — его.

Наташа выбрала Зою Николаевну.
— Что вы там бормочете?
— Я мечтаю, Зоя Николаевна. Что это у вас?

— Альбом. Наташа мне дарила ко дню рождения рисунки событий за год...

...Тува, все правильно: собака вырвала из штанов клоч, когда она рисовала тувинок...

...а сейчас я покажу, где они с Таней Назаренко, ее подругой, рисуют Генуэзскую крепость в Крыму...

...вот в горах, там был серный источник для усиления красоты и молодости. Видите — они стоят в очереди с ведрами. Тогда им это было не нужно...

...наш последний пес, веселый пес эрдельтерьер. Абсолютно невоспитанный. Он мчался радостно по всем огородам. В результате его отравили. Веселый был, смешной и громадный пес. И звали его Арбат.

— Что я не рассказала про Наташу?
— Ничего не рассказали. Вы дочерью довольны?

— Очень довольна, хотя характер у нее непростой. Взрывается, сердится, меня ругает, потом мгновенно отходит... Ангелы могут быть только такие, каких она пишет, — с тяжелыми крыльями, которые несут тяжелых людей.

Мастерская: Оптимизм в нашей ситуации — это истерика

У Нестеровой мастерская небольшая, но светлая и любимая Наташей. Немного чужих картин — подарков и много (почти всегда много) своих, повернутых лицом к стене.

— Они тебе мешают? Ты думаешь, они наблюдают за тобой?

— Они негодуют. Их таскают, ударяют. Скорее куда-нибудь спрятаться. Право, не знаю, может, им хочется здесь остаться. Они ведь не говорят.

— Ты полагаешь, что, когда закончила писать, дала им жизнь, они продолжают ее без тебя?

— Да. Я так думаю.
— Как ты относишься к тому, что они уходят, покидают тебя?

— Здесь нет аналогии с живым человеком. Жалеть нечего. Если художник пишет для себя и работы остаются в мастерской — ему, наверное, надо поменять профессию.

— Писатель, где бы он ни работал — в Тарусе, в Риме, в Баден-Бадене, — публикует текст на языке тех людей, частью культуры которых он является. С художником другая история. Уезжая, он оставляет работы за рубежом, обогащая другой мир, но страна, в которой он родился и вырос, теряет его как производителя духовного продукта.

— Я так не думаю. Мы были долго закрыты и много потеряли. И нас многие потеряли. До сорока лет я не выезжала, не видела того, что обязана была видеть... И меня не видели.

— Ты определяешь свое место в мировом художественном рейтинге?

— Да никогда в жизни. Разумеется, каждый художник ориентируется на некие идеалы, но ставить себя по ранжиру — глупость. Человек, мне кажется, должен стремиться что-то поменять, от чего-то отказаться. Моя идея — двигаться по одному пути и в нем совершенствоваться.

— Этот путь можно запрограммировать или он является в результате нравственного (прости) блуждания? А может, по высокой выгоде?

— Запрограммировать точно нельзя: столько происходит вещей случайных, трагических, непредсказуемых, но какую-то часть жизни — быть может, работу — можно загнать в определенные рамки и держать себя в них. Поведение можно контролировать. Это не ограничивает твою свободу, поскольку это собственный выбор.

Нестерова с мамой
Зоей Николаевной

Крыльями

— Свобода — это цепь самоограничений...

— Я тоже так считаю. Человек, лишенный этих рамок, безобразен. *И безОбразен.*

— Что тебе нужно, чтобы чувствовать себя свободной?

— Внутренняя человеческая независимость. Может быть, абстрагирование от ужасов теперешней жизни.

— Я полагал, что необходим некий инструментарий. Мастерство... Чтобы ты могла выбирать.

— Не знаю, как ответить. Мне кажется, такого вопроса не может быть. Профессионализм — это то, с чего все начинается, а не то, к чему надо стремиться.

— Что из реальной жизни влияет на ту жизнь, которая потом занимает холст?

— Мрачность. Общая атмосфера. Можно веселиться. Но мне кажется, оптимизм в нашей ситуации — это истерика.

— В другие времена тоже радостей было немного. Что там нам запомнилось? Катастрофы, предательства, войны, измены...

— Высокие произведения литературы, искусства в основе имеют трагическое или драматическое начало. Радости человеку выпадает немного.

— Может, это происходит потому, что человек наедине с собой редко бывает веселым. Нечасто узнаешь, что кто-то сидел в доме в одиночестве и хохотал. Зритель приходит к твоему холсту один и встречает то, что ты одна сотворила на нем. Два одиноких человека не видят друг друга.

— Мне кажется, что человек вообще всегда один. Такая особь в мире. Во всяком случае, я очень люблю состояние одиночества, мне как-то не скучно. Поэтому и работы такие замкнутые. Если они находят отзвук, значит, я в одиночестве не одна.

— Почему на твоих картинах люди так мало общаются между собой, даже когда они вместе?

— Потому что человек сосредоточен в себе, в своих чувствах, размышлениях.

— А ты с ними общаешься?

— С персонажами? С ними общаюсь. Через них я пытаюсь сказать, что вижу, о чем думаю. Иногда они помогают освободиться от страшного события — нарисуй, и оно уходит. Я редко это делаю, только когда терзает безумно: какие-нибудь горящие люди, горящие дома, мертвые собаки.

— Это передается зрителю? Он может освободиться с помощью картины?

— Я как зритель — могу. Но как поручиться за других.

— Есть темы, которые присутствуют в твоих картинах. Птицы, к примеру.

— Да, это мечта. Я и сейчас, когда уже, кажется, поздно, иногда летаю очень странно. Подпрыгиваю, подскакиваю и лечу. А когда-то летала на огромных розовых крыльях где-то в районе собственного дома. Птица — это личность (можно так о птице?), фигура. Иногда она символизирует волю, а порой становится символом агрессии, нападения, уничтожения.

— Я не видел ни одного автопортрета, кроме холста, где вы с Зоей Николаевной и Левой спиной к зрителю.

— Мой автопортрет — это мои руки в картине (человек, если не смотрит в зеркало, руки больше всего и видит), но, может, это и руки зрителя. Кто-то из нас смотрит вперед.

— У тебя нет конкретных людей?

— Да они придуманы, хотя часто говорят, что похожи на кого-то. Это я, видимо, кого-то вспоминала. Семь лет в школе и шесть в институте мы писали с натуры, потом я испугалась, что людям не очень

нравились их портреты, и это стали придуманные люди.

— А тебя тревожило, как герои воспринимали нарисованное тобой изображение? Ты не чувствуешь права сама распорядиться им?

— Нет, не чувствую.

— А природой, домами, садами?

— Природу я люблю, и дома. Я людей не очень люблю. Поэтому отношусь к ним скептически.

— И тем не менее они почти в каждой твоей картине — или их знаки.

— Человек всюду проник. От него никуда не денешься. Но от него как-то очень много зла, несправедливости. Он, мне кажется, самое страшное животное на Земле. Он все разрушает. И себя.

— Поэтому ты создала целую серию масок?

— В какое-то время мне показалось, что из картины в картину переходит один и тот же тип, один и тот же человек, и я закрыла лица масками, чтобы каждый додумывал, что там под ней.

— В карточных масках заключен смысл? Человеческий пасьянс?

— Я как-то слушала интервью с английским художником Фрэнсисом Бэконом, которого корреспондент все спрашивал: почему да почему? Знаешь, что он ответил: «Потому!» И всё. Мне это объяснение понятно.

— Мне тоже. Я придумал формулу: ты знаешь обо мне все, ты мне неинтересен.

— Пожалуй.

« Стоит тебе лишь ненадолго отвести взгляд от ее картины, оставить ее без присмотра на секунду, как что-то произойдет очень важное не только в жизни персонажей, но и в твоей собственной »

— Однажды давно я встретился с Сергеем Аверинцевым в Архиве Сахарова, во время круглого стола. В перерыве я подошел к нему и поинтересовался не без робости, бываю ли хорошие народы. (То, что плохих не бывает, мне добрые люди внушили в детстве.) Я рассчитывал, что он выскажет некую мысль, которая позволит мне толковать мои подозрения. Но он ответил четко, без всяких возможностей трактовки: «Я думаю, что хорошие народы не бывают. Люди могут быть хорошие или плохие».

— Я думала об их скоплении, о массе, толпе, очереди, собрании, обществе. А хорошего человека как не любить? Ты знаешь моих друзей... Вот этого, который на осле везжает в Иерусалим, я люблю. А человеческую икру, которая его продает, нет.

— Ты часто обращаешься к библейской теме. Это традиционная для художников основа. Но ты ведь не литературный живописец.

— Может быть, и литературный. Когда мы с мамой жили на даче, я писала, она мне читала, например «Доктора Живаго». И оттуда получалась такая игра в людей. Может быть, держала что-то в голове, вспоминала об этом, думала. Какая-то фраза выскочит, которая тебя поражает. Это не иллюстрация. Это реминисценция.

— Почему спящий человек, лежащий, сидящий, смотрящий — неучаствующий — тебя так волнует?

— Если человек достойный — радуюсь. Есть от чего отчитывать. На что ориентироваться. Сильный человек вызывает глубочайшее уважение. Сильный писатель, художник, скульптор. В этом смысле.

— Может ли искусство изменить человека к лучшему?

— Только если он сам того хочет. Но люди как-то не очень хотят улучшать себя. Точнее, только хорошее и хотят.

— Много твоих работ в наших музеях?

— И в наших много. Я страшно благодарна искусствоведам из провинциальных музеев. Они приезжают, сами тащат, везут... Это совершенно удивительный народ, самоотверженный и преданный. Умницы невероятные. Я им много отдала.

— Просто так?

— А откуда у них деньги? Конечно, просто так.

— Есть работы, с которыми ты не хотела бы расстаться?

— Нет.

— А знаешь, где твои картины?

— Да, да. Все...

В это время в дверь мастерской позвонили, и Наташа пошла открывать. Пришли за «Троицей». Момент ухода картины я ощутил как момент потери, хотя не я ее писал. Мне жалко с ней расставаться. А Нестеровой — нет. Она щедрa.

Может быть, это происходит оттого, что она чувствует в себе силу, о которой мы говорили. Она легко рассеивает свой материализованный талант, свой напряженный мир.

Меня он чрезвычайно привлекает. Она его участник и зритель. Она живет в разных временах и местах и деликатно, не навязываясь, дает нам возможность увидеть и почувствовать то, что происходит с людьми, когда на них смотрит Нестерова.

— Я когда хожу по улице или еду в ГИТИС, где преподаю, вижу лежащих людей. Никто на них не обращает внимания: мертвый он, живой, больной, спящий... эти бездомные, грязные, эта безразличная жизнь терзает меня ужасно. Спящий — всегда незащищенный. Засыпая, человек уходит в другой мир. Может быть, он репетирует. Все не участвующие в этой жизни находятся в другой. Она мне тоже интересна.

— Собственно, работающего человека я у тебя не видел.

— Нет, не было. Ну, если акробаты в цирке...

— Ты теперь много и с пользой ездешь, как там тебе?

— Когда работаю — хорошо. Когданет — дискомфортно. Может быть... это было давно, в детстве, мы ездили в Прибалтику. Я была маленькая беленькая девочка, и ко мне всегда обращались на незнакомом языке. И с тех пор я чувствую себя чужой. Везде, и здесь тоже.

— Где ты чувствуешь себя хорошо? На своей выставке?

— О нет, ужасно. Я безумно боюсь своих выставок, дней рождения... Хорошо я себя чувствую в мастерской одна. С мамой своей всегда.

— Ты думаешь об успехе?

— Нет, не думала никогда.

— А к чужим удачам как относишься, к чужой славе?

Работал в ЖКХ, а победил в Airbus

**Омский инженер
выиграл всемирный конкурс
на лучший проект беспилотника**

Весной европейский авиагигант Airbus совместно с американской компанией Local Motors объявили конкурс концепций «дрона будущего». Ставилась задача: создать летательный аппарат по заданным жестким параметрам. Назначение его — грузоперевозки, вес дрона — не более 25 кг, взлет вертикальный, скорость полета — от 80 км в час и т.д. Само собой, форма и содержание должны сливаться в стильном дизайне.

Проекты представили 425 дизайнеров. Победил в этом мировом состязании 31-летний фрилансер из Омска Алексей Медведев. Его концепт занял первое место в основной номинации (а их всего было три), и третье — в категории «лучшее решение отсека для грузов». Алексей назвал свой дрон Zelator, признается, что просто понравилось это слово, ну и смысл в переводе с латинского — «ревностный» — настроению соответствовал. Из общего призового фонда в 100 тысяч долларов Алексею досталось 52,5 тысячи.

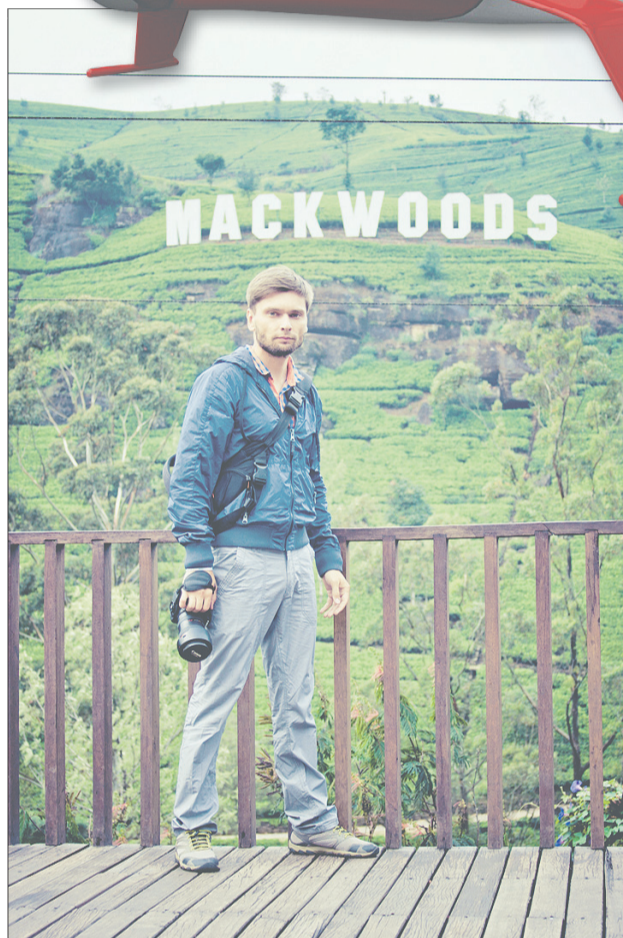
Медведев 9 лет назад окончил Сибирский автомобильно-дорожный институт по специальности «инженер-архитектор». Работал в проектных организациях, попутно занимался дизайном — больше для души, чем для заработка. В 2010 году подвернулась доходная должность в администрации Чукотского округа. За несколько лет службы Алексей вырос до начальника управления в окружном департаменте промышленной политики, строительства и ЖКХ. Работа гарантировала благополучие на многие годы, однако быстро наскучила. «С полгода назад решил с семьей возвращаться в Омск и заняться тем, что мне нравится и что я действительно умею, — дизайном. Накопления у нас были: подумали — перебежим на первых порах».

В Омске быстро нашлись заказчики, но не местные, естественно, а из-за рубежа. «Делал дизайн автомобилей: хватало на жизнь и оставалось немало свободного времени. Потом попало объявление от Airbus: не раздумывая, решил, что буду участвовать, без надежд на какое-то вознаграждение. В конструировании летательных аппаратов некоторый опыт у меня есть, но в сравнении с профессионалами в этой области — почти нулевой. В таких конкурсах и проигрывать тоже полезно — чтоб сравнить себя с коллегами разных стран, научиться чему-то у них (где мы еще с ними встретимся?) и узнать свое настоящее место. Что оно будет первым, я никак не предполагал».

Алексей взялся за конкурсную работу со всей серьезностью. «Трудился над проектом почти три месяца, по несколько часов в день». Сначала, как это часто случается с художниками, сам себе усложнил задачу: решил сделать дрон бионической формы — сглаженные поверхности, крылья без углов, как у бабочки или стрекозы. Через две недели понял, что забрел «не в ту степь», — такая форма сложна в расчетах и в производстве, а среди главных требований Airbus к проек-

Тот самый «ревностный» дрон Алексея Медведева

там — эффективность, удобство, простота в исполнении. «К счастью, вовремя остановился — выбрал форму более традиционную».

Окончательный вариант медведевского дрона смахивает на мышь, у которой вдруг выросли крылья. (Такое может случиться с каждым, кто однажды, отрешившись от будничной мышинной возни, бросит все и займется любимым делом.) Алексей говорит, что поэтического смысла в свой проект он не вкладывал, но художники часто проговариваются о главном, хотя думают вроде бы совсем о другом.

Медведев себя, впрочем, художником не считает — полагает, что в его работе холодного ума больше, чем фантазии. «Конечно, оценивало жюри и эстетическую

Я бы с радостью сделал что-нибудь для российской компании, но такие заказы мне не попадают

составляющую, но главное — чтобы дрон был экономичен и мог летать».

На церемонию награждения попасть Алексей не смог. «Оно проходило в Лондоне: мне заранее сообщили, что я победил, чтобы я успел сделать визу. Но английское консульство, к сожалению, затянуло ее оформление и до сих пор, кстати, не вернуло мне мой загранпаспорт. Конечно, расстроился сначала, но ничего страшного: надеюсь, удастся побывать на предприятии, где будут строить мой дрон, это будет во Франции или в Германии. Обещают сделать его скоро — до конца года». Часть премии Медведев планирует потратить на эту поездку, остальному, за вычетом налога, тоже найдется применение: полтора месяца назад у Алексея родилась дочка.

И заказчиков у него теперь наверняка станет больше: горизонты раздвинулись — раньше он проектировал только автомобили, а теперь мир знает его как лучшего проектировщика беспилотников.

Почему лучший в мире дизайнер дронов живет в Сибири, а работает фактически за рубежом? Почему наше государство разглядело в нем чиновника, а не инноватора? Алексей не смог ответить на этот вопрос. «Я бы с радостью сделал что-нибудь для российской компании, но такие заказы мне не попадают».

Уезжать из России, однако, Алексей Медведев не собирается.

Георгий БОРОДЯНСКИЙ,
соб. корр. «Новой»,
Омск

Редакторы номера:
Р. Дубов, Н. Прусенкова

Наш адрес
в интернете:
NovayaGazeta.Ru

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия: **Роман АНИН** (редактор отдела расследований — «отдел Ю. Щекочиных»), **Ольга БОБРОВА** (зам главного редактора), **Руслан ДУБОВ** (зам шеф-редактора, ответственный секретарь), **Сергей КОЖЕУРОВ** (первый зам главного редактора), **Александр ЛЕБЕДЕВ** (зам главного редактора), **Андрей ЛИПСКИЙ** (зам главного редактора), **Лариса МАЛЮКОВА**, **Кирилл МАРТЫНОВ** (редактор отдела политики и экономики), **Константин ПОЛЕСКОВ** (шеф-редактор WEB-редакции), **Алексей ПОЛУХИН** (шеф-редактор), **Георгий РОЗИНСКИЙ** (зам главного редактора), **Юрий РОСТ** (обозреватель), **Петр САРУХАНОВ** (главный художник), **Сергей СОКЛОВ** (зам главного редактора), **Ольга ТИМОФЕЕВА** (редактор отдела культуры), **Олег ХЛЕБНИКОВ** (зам главного редактора), **Виталий ЯРОШЕВСКИЙ** (зам главного редактора, омбудсмен редакции)

www.novayagazeta.spb.ru

www.novayagazeta.ru

Обозреватели и специальные корреспонденты: **Юрий БАТУРИН**, **Борис БРОНШТЕЙН**, **Борис ВИШНЕВСКИЙ**, **Ирина ГОРДИЕНКО**, **Эльвира ГОРЮХИНА**, **Елена ДЬЯКОВА**, **Зоя ЕРОШОК**, **Вячеслав ИЗМАЙЛОВ**, **Павел КАНЬГИН**, **Елена КОСТЮЧЕНКО**, **Юлия ЛАТЫНИНА**, **Елена МАСЮК**, **Ирек МУРТАЗИН**, **Галина МУРСАЛИЕВА**, **Леонид НИКИТИНСКИЙ**, **Ирина ПЕТРОВСКАЯ**, **Алексей ПОЛИКОВСКИЙ**, **Юлия ПОЛУХИНА**, **Елена РАЧЕВА**, **Людмила РЫБИНА**, **Андрей СУХОТИН**, **Алексей ТАРАСОВ**, **Слава ТАРОЩИНА**, **Марина ТОКАРЕВА**, **Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР**, **Диана ХАЧАТРИАН**, **Вера ЧЕЛИЩЕВА**, **Наталья ЧЕРНОВА**

Ведущие рубрик: **Евгений БУНИМОВИЧ**, **Дмитрий БЫКОВ**, **Александр ГЕНИС**, **Павел ГУТИОНТОВ**, **Юрий РЕВИЧ**, **Кирилл РОГОВ**, **Дина РУБИНА**, **Ким СМЕРНОВ**, **Артемий ТРОИЦКИЙ**, **Сергей ЮРСКИЙ**

Руководители направлений: **Лариса МАЛЮКОВА** (кино), **Владимир МОЗГОВОЙ** (спорт), **Елена МИЛАШИНА** (спецпроекты — «отдел И. Домникова»), **Надежда ПРУСЕНКОВА** (пресс-служба)

Собственные корреспонденты: **Надежда АНДРЕЕВА** (Саратов), **Георгий БОРОДЯНСКИЙ** (Омск), **Татьяна БРИЦКАЯ** (Мурманск), **Мария ЕПИФАНОВА** (страны Балтии и Северной Европы), **Иван ЖИЛИН** (Крым), **Сергей ЗОЛОВКИН** (Гамбург), **Сергей КУРТ-АДЖИЕВ**,

Наталья ФОМИНА (Самара), **Виктория МАКАРЕНКО** (Ростов-на-Дону), **Александр МИНЕЕВ** (Брюссель), **Ольга МУСАФИРОВА** (Киев), **Александр ПАНОВ** (Вашингтон), **Нина ПЕТЯНОВА** (Санкт-Петербург), **Юрий САФРОНОВ** (Париж), **Евгений ТИТОВ** (Краснодар), **Ирина ХАЛИП** (Минск), **Александр ЧУРСИН** (Балканы)

Группа выпуска: **Юрий КОЗЫРЕВ** (директор фотослужбы), **Анна АРТЕМЬЕВА**, **Евгений ФЕЛЬДМАН** (фотокорреспонденты), **Анна ЖАВОРОНКОВА**, **Алексей КОМАРОВ**, **Татьяна ПЛОТНИКОВА** (билд-редакторы), **Оксана МИСИРОВА**, **Надежда ХРАПОВА**, **Вероника ЦОЦКО** (технические редакторы, дизайн, макет)

WEB-редакция: **Сергей ЛИПСКИЙ**, **Ольга ПРОСВИРОВА**, **Евгений ШИРЯЕВ**

ДИРЕКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (генеральный директор), **Владимир ГРИБКОВ** (заместитель генерального директора), **Светлана БОЧКАЛОВА**, **Михаил ЗАЙЦЕВ** (распространение), **Владимир ВАНЯЙКИН** (управление делами), **Ирина ДРАНКОВА** (бухгалтерия), **Наталья ЗЫКОВА** (персонал), **Анжелика ПОЛЯКОВА** (реклама), **Ярослава КОЖЕУРОВ** (юридическая служба), **Валерий ШИРЯЕВ** (заместитель директора), **Сталина УСПЕНСКАЯ** (директор по уюту)

**РЕДАКЦИЯ НОВОЙ
ГАЗЕТЫ В СПБ**

Учредитель и издатель: **ООО «МЕДИА.С-ПБ»**
СПб., 11-я линия, 66

Д.Л. КАЧАЛОВА (редактор)

199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66.

ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

84804

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — **222 250 экз.**

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — 14 811 656 просмотров
за июнь 2016 г.
Тираж одного номера
в СПб — 4270 экз.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: **ЗАО «Издательский дом «Новая газета»**. Редакция:
АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2016 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией.

Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63.
Цена свободная. Срок подписания в печать по графику: 19:30, 21.07.2016.
Номер подписан: 19:30, 21.07.2016. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00, 21.07.2016. Указанные читатели! Просим всю корреспонденцию присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».